

Ляна
ЗЕЛИНСКАЯ

ОКО
ВОДЫ

Черная
королева

Мир Коринтии: Чёрная королева

Ляна Зелинская

Око воды

«Ляна Зелинская»

2024

Зелинская Л.

Око воды / Л. Зелинская — «Ляна Зелинская», 2024 — (Мир Коринтии: Чёрная королева)

Зверь повержен, но война не окончена, ведь королеву можно победить только хитростью. Дитамар, князь Лааре, изменив лицо, направляется на юг, чтобы отомстить той, которая забрала у него несколько лет жизни. Когда-то любовь превратила его сердце в кусок льда. Когда-то королева оставила ему страшный подарок. Но теперь пришло время его вернуть. Он поклялся, что в своей мести не остановится ни перед чем. Он поклялся, что его рука не дрогнет. Он поклялся больше никогда не любить и нарушать эту клятву ему нельзя. И он верит в то, что сдержит её, ведь у него теперь ледяное сердце. Но что бывает, когда лёд встречается с весной? 4-я книга из цикла «Чёрная королева».

© Зелинская Л., 2024

© Ляна Зелинская, 2024

Содержание

Часть 1. Первое лицо	5
Глава 1. Именем Ирдиона!	5
Глава 2. Враг моего врага	10
Глава 3. «Живи незаметно»	16
Глава 4. «Око воды»	20
Глава 5. Ничем не приметное лицо	27
Глава 6. Правила джарта Дитамара	31
Глава 7. Туман	36
Глава 8. Девушка в реке	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ляна Зелинская

Око воды

Часть 1. Первое лицо

Глава 1. Именем Ирдиона!

– Ну расскажи ещё! Ну, пожа-а-луйста! Ну, Лея! Ты теперь через год снова приедешь, а старая Дезире не рассказывает нам сказок! – младшие дочери семьи Милгид сложили руки в умоляющем жесте.

Они сидели полукругом на большой кровати, ускользнув под покровом ночи из своих спален в комнату старшей сестры, которая приехала к ним в гости из самой Рокны.

– Вы не отстанете, да? – со смехом спросила Лея. – Уже полночь! А ну брысь из моей постели!

– Ну пожа-а-луйста! Ну сестрица, ещё одну, ну после-еднюю?!

– Сами попросились, – прищурилась она, – будет вам на сон грядущий страш-ш-шная сказка о... лаарском Звере! Очень страшная!

– Нет-нет, только не о Звере! – девочки быстро юркнули под одеяло и потянули его на себя, пытаясь спрятаться.

А Лея знала: сказка о лаарском Звере – единственное, что сможет выставить за дверь ватагу соскучившихся по её рассказам сестёр. Вот только страшные истории о Звере здесь, в Милгиде, никто не считал сказками. Слишком уж близко их поместье от границы с Лааре, чтобы не знать кровавых подробностей.

Разумеется, рассказывать всех ужасов сёстрам Лея не собиралась, просто знала, что сейчас они сразу же притихнут, а потом попросят её проводить их в свои комнаты – спасибо няньке Дезире, которая так запугала детей лаарским чудовищем, что при одном упоминании о нём они становились послушными, как овечки.

Но в этот раз девочки слишком соскучились по старшей сестре и тянули время, как могли. Лея посмотрела в тёмное окно, в котором отражалось тусклое мерцание горящей свечи, и подумала, что сегодняшняя ночь как никогда подходит для страшных сказок.

Буря разыгралась нешуточная. Ещё после полудня их матушка, леди Милгид, посмотрев на небо, покачала головой и велела запереть ставни в нижних комнатах. В таких вопросах чутьё у хозяйки поместья было хоть куда. Ненастье, пришедшее со стороны мрачных лаарских гор, бесновалось за окном с раннего вечера. Буря гнала по небу низкие косматые тучи, и к ночи они пролились холодным косым дождём. Уже давно стемнело, и время приближалось к полуночи, а ветер всё не унимался, хлестал по стеклу ветвями старого вяза, и слышно было, как его корявые сучья, словно костлявые пальцы, натужено скребут по черепичной крыше над окном.

– Ну что? Готовы? Это будет очень-очень-очень страшная сказка! У вас кровь застынет в жилах, и вы даже не сможете дышать. Ну? – Лея обвела сестёр торжествующим взглядом и, видя, что они всё ещё сомневаются, продолжила зловещим шёпотом: – Тогда слушайте... Жил-был далеко в лаарских горах в страшном мрачном замке прекрасный принц. И звали его...

– Именем Ирдиона! Откройте ворота! – неожиданно послышалось со стороны окна. Раздался гулкий стук, доносившийся даже сквозь вой ветра, и сёстры Милгид, все как одна, взвизгнув, с головами нырнули под одеяло. – Именем Ирдиона! Немедленно откройте ворота!

Откуда-то снизу, со стороны воротных башен, донеслись многочисленные глухие удары, и замковые псы зашлись в безудержном лае. И казалось, что это не просто кто-то стучит в дверь,

а её осаживают огромным кузнечным молотом, и тот, попадая на ржавые железные скобы, рождает ужасный звук, разносящийся волнами по всем коридорам и закоулкам старого поместья Милгид.

Именем Ирдиона? Мирна-заступница! Что могло понадобиться рыцарям Ордена здесь, ночью, да ещё в такую погоду?!

Лея вскочила с кровати и бросилась к окну. Выглянула – темно хоть глаз коли. Она безуспешно пыталась рассмотреть всадников, но увидела лишь маячившие пятна света на мосту – наверное, фонари приезжих, ну а что ещё разберёшь в непроглядном осеннем мраке? Босые ступни обжигало холодом – камин давно угас, а ветер выдул из комнаты последние остатки тепла и теперь торжествующе надрывался в трубе. Лея вернулась к камину и, привстав на цыпочки, наощупь задвинула заслонку. Надо было раньше это сделать! Дуть меньше не стало, но хотя бы завывание чуть утихло. Она вприпрыжку добралась до кровати и, схватив огниво, поспешно зажгла ещё две свечи.

– Кто там, Лея? – из-под одеяла выглядывали четыре пары испуганных глаз.

– Просто путники. Заблудились, наверное, в такой-то дождь, – попыталась она успокоить сестёр.

– Именем Ирдиона! Откройте ворота! – разносился зычный голос с улицы.

Старые воротные башни подхватывали его и усиливали многократно, рождая раскатистое эхо. В Милгиде такие уж певучие стены, недаром же говорят, что в старом замке живут привидения. И хозяева не спешили разубеждать в этом заезжих гостей. Когда живёшь в такой глуши на границе с Лааре, дурная слава иной раз играет только на руку, храня от лихих людей лучше, чем стрелы, мечи и рвы. Так что приезжих леди Милгид частенько селила именно в этих комнатах у воротных башен, а уж остальное довершали ветер, скрипучие половицы, мрачные рассказы кухарки и бутылочное горлышко в каминной трубе.

Лея натянула туфли, набросила халат и, схватив свечу, направилась к двери, шикнув сёстрам:

– Сидите и не высовывайтесь!

Замок ожил. Слышно было, как захлопали двери, как чьи-то ноги прошаркали по коридору, кто-то ругнулся, загремели ключи. Такие нетерпеливые поздние гости – это не к добру. А уж с именем Ирдиона на устах – не к добру вдвойне.

Лея осторожно выглянула в коридор. Из холла слышались незнакомые голоса: зычный мужской и ещё один потише, а поверх спокойный голос леди Милгид вопрошал о том, по какому делу явились достопочтенные рыцари. Лея проскользнула по коридору к лестнице, ведущей вниз, прислонилась к полуоткрытой створке двери и, прикрывая пламя рукой, прислушалась.

– Беглую ищем, преступницу и ведьму. Вот читайте! А где барон Милгид?

Прошелестела бумага, и следом снова послышался спокойный голос матери: леди Милгид никогда никого не боялась – ни Тайной стражи, ни ирдионских рыцарей, ни медведей, ни даже лаарского Зверя. И тут не растерялась:

– Так в Лиссе он. На ярмарке. Там и заночевал, непогода-то видите какая. А у нас тут посторонних нет, командор. Молодая женщина? Тёмные волосы, тёмные глаза, красивая, по обыкновению носит мужское платье, владеет любым оружием... – зачитала с бумаги леди Милгид. – Нет, у нас таких не было. Мы бы знали, и уж поверьте – не стали бы укрывать никаких беглых, помилуй нас Всевидающий от такой глупости! Здесь только мы и наши слуги. Да и погода видите... какие беглые сюда заглянут? В нашу-то глушь! К нам в Милгид и в хорошее-то время не доедешь!

– Приведите сюда всех женщин! Да поторопитесь, – оборвал леди Милгид командор и бросил своим людям: – Обыскать замок!

– И слуг тоже привести?

– Я же сказал – всех. От младенцев до старух!

– Разумеется, командор, – мягко ответила Аберта Милгид. – А пока не угодно ли согреться? Сюзанна! Сделай нашим гостям огненный грог из фесского! Погода-то ужас просто. И принеси сыр и хлеб. Да камин разожги!.. Располагайтесь, господа. Обсохните пока.

Лея даже удивилась. В холле топтался десяток вооружённых мужчин, которые ходили взад-вперёд, оставляя за собой лужи и грязь. С их плащей стекала вода, и седельные сумки они бросили прямо посреди комнаты и уж точно изгадили матушкин зафаринский ковёр, что лежал у большого окна. А за такое непотребство леди Милгид осадит любого, пусть даже и рыцаря. Заставила бы слуг принять у господ плащи и велела бы скатать ковёр, не стесняясь никого обидеть. И не стала бы потчевать их грогом, да ещё из фесского! Таким сойдёт и кружка эля.

Но леди Милгид переменялась столь внезапно, что сердце у Леи ёкнуло. Таким мягким и умиротворяющим голос её матери бывал лишь тогда, когда какую-нибудь корову или овцу вели на убой. Или собирались прирезать лошадь, сломавшую ногу. Вот в такие моменты леди Милгид становилась ласкова и даже давала несчастному животному корку хлеба с солью. В остальном же со слугами и детьми, да и с мужем, хозяйка поместья была холодна, строга и справедлива. И уж Лея прекрасно знала, что этот вкрадчивый заботливый голос матери означает только одно – случилось что-то плохое.

В Рокне Лея, конечно, видела рыцарей в белых плащах и, как и остальные разумные люди, обходила их стороной. Но там ничего удивительного: Ирдион близко, и отряды рыцарей то и дело сновали по южной дороге. А на Потровой площади иной раз случались и казни. Но чтобы они посреди ночи наведались на край мира... С чего бы вдруг? А учитывая, как странно повела себя леди Милгид...

Не прячет же её мать и впрямь какую-то беглую ведьму?!

У Леи по спине пробежал холодок. Что могут сделать белые плащи за укрывательство ведьмы, ей довелось видеть своими глазами.

– Кэдок? Позови оставшихся слуг и покажи командору всё здесь, а я приведу детей, – спокойно скомандовала леди Милгид подоспевшему слуге и, подхватив юбки, неторопливо направилась по лестнице.

– Матушка? Что случи...

Рука леди Милгид зажала рот Лее так быстро, что она едва не задохнулась от испуга.

– Живо на чердак! И сиди тихо, пока они не уедут! – почти прошипела она в ухо, заталкивая Лею обратно в коридор и отбирая свечу. – А если найдут тебя – притворишься больной или блаженной! Поняла?

Но на чердак Лея не успела: раздалась тяжёлая поступь со стороны лестницы – рыцари принялись осматривать замок не мешкая. В холл согнали всех слуг и детей четы Милгид – четырёх девочек и двоих мальчиков. Не было лишь Фины, старшей дочери барона Милгида – она на прошлой неделе вышла замуж и уехала в Лисс, и, собственно, по этому поводу Лея и приехала в гости из Рокны.

Их выстроили у камина, и Лея чувствовала, как у неё от страха похолодели руки и ноги, она мысленно сосчитала до десяти и обратно, пытаясь себя успокоить. Больше всего её пугало, что она не знала, чего именно нужно опасаться. Они ведь ничего не сделали!

Или... сделали?

И она успокаивала себя лишь тем, что раз ищут беглую ведьму, то мать, скорее всего, просто испугалась, что Лею могут принять за нее. Она исподтишка разглядывала главного, того, кого мать назвала командором. Он бродил по комнате, заложив руки за спину, пока остальные рыцари обыскивали замок. Здесь же в холле стояли наизготовку двое арбалетчиков, и это тоже пугало. Столько вооружённых мужчин против одной женщины, пусть и ведьмы...

Командор был среднего роста и одет не как остальные рыцари: варёная кожа, короткая тёмная кольчуга и поверх длинный чёрный плащ, подбитый мехом выдры. Заострённое к подбородку лицо, большие уши, за которые он заправил чёрные кудри, и манера держать большие пальцы за поясом так, что плащ натягивался на локтях, придавали ему сходство с огромной летучей мышью.

Он прислушивался к тому, как в замке идёт обыск, и когда сверху раздалось короткое «Всё чисто!», обернулся и махнул арбалетчикам, чтобы они опустили оружие.

Кэдок с факелом увёл рыцарей на хозяйственный двор, а командор повернулся и подошёл к семейству Милгид. И только в этот момент Лея заметила поверх кольчуги медальон аладира. Голова сокола в золотом круге. Перед ней стоял не просто рыцарь, а один из Старших Стражей Ирдиона. А раз он сам сподобился явиться посреди ночи, да ещё в такую непогоду сюда, в Милгид, это могло означать только одно – та ведьма, которую они ищут, будет, видимо, пострашнее даже лаарского Зверя.

Командор прошёлся вдоль вереницы людей, переминавшихся с ноги на ногу, и остановился возле Леи, отчего у неё сердце рухнуло в пятки.

– Как зовут тебя, красавица? – командор тронул её пальцами за подбородок, заставляя поднять голову.

Его перчатки, влажные от дождя, пахли лошадиным потом и дымом, но Лея даже не поморщилась. В её голове мгновенно всплыли наставления матери, она чуть скосила глаза к переносице, сдавленно покашляла и посмотрела в лицо незваному гостю. Пусть думает, что она малость блаженная. И больная к тому же.

– Это моя дочь, Каталея, – охотно ответила за неё леди Милгид. – Она нездорова, как видите.

– Не похожа она как-то на других ваших дочерей, – командор кивнул на ватагу светло-волосых младших сестёр.

– Так это дети от барона, а Каталея от первого мужа, да пребудет он в светлых садах Миеле! – вздохнула леди Милгид, трагично закатив глаза.

– Что с ним случилось?

– Красная лихорадка, командор. И ей, как видите, тоже досталось, – вздохнула леди Милгид, глядя искоса на Лею.

Командор убрал руки за спину, постоял некоторое время, глядя на безучастное лицо старшей дочери, и спросил:

– Как звали вашего первого мужа?

– Барон Рюмон из Индагара.

– Рюмон... Рюмон... Не слышал. Младшие дома́?

– Да, – ответила с готовностью леди Милгид, – не слишком известный дом, но мы любили друг друга.

– Любовь... – усмехнулся командор, отхлёбывая грог из кружки.

Усмешка сделала его лицо совсем хищным. Он постоял напротив Леи некоторое время, словно колебался. Перебросился ещё парой незначительных фраз с леди Милгид и, наконец, снял плащ, сел в кресло и вытянул ноги к камину.

Обыск шёл долго. И всё это время хозяева и слуги томились в большом холле замка, не произнося ни слова. Пробыло полночь. Рыцари вернулись ни с чем, перевернув вверх дном всё поместье от каретного сарая до чердака. Командор молча их выслушал, коротко кивнул и отправил к лошадям. А сам поднялся, отряхнул плащ и, набросив на плечи, застегнул пряжку с головой сокола.

– Что ж, нам пора ехать, – он стянул перчатку и, подойдя к леди Милгид, склонился и поцеловал её руку, – благодарю за грог и гостеприимство, миледи. В этих краях такое попадает нечасто. Если встретите особу, которую мы ищем, сообщите командору Ордена в Лиссе или

в Брохе. Орден заплатит за такую информацию золотом. И немало. Эта ведьма может использовать любые обличья, любые имена, может даже представиться рыцарем Ордена и показать медальон, но вы – умная женщина, распознаете обман. И не буду вам напоминать, что укрытельство ведьмы – преступление, а у вас большая семья.

– Не нужно напоминать, командор. Я дорожу семьёй и всегда готова помочь достойным господам из Ордена бороться против всякой мерзости, – ответила мягко леди Милгид и чуть склонила голову.

Командор подошёл к Лее.

– Надеюсь, вы поправитесь, миледи Каталея Рюмон. – Он совершенно неожиданно склонился и поцеловал и её руку.

Лея вздрогнула от этого прикосновения, как от ожога. Пальцы командора без перчаток были холодными и какими-то жёсткими, словно крючья из металла. Отпуская её руку, они скользнули по ладони, будто оцарапали. В этом внезапном поцелуе и столь неуместном внимании было что-то очень неприятное, и на мгновение, может быть, совсем краткое, но достаточное для того, чтобы её обман раскрылся, их взгляды пересеклись. И Лее показалось, что тёмные глаза командора выжгли на ней клеймо. Он замер, как будто хотел сказать что-то ещё, покачнулся с носков на пятки, раздумывая, но так и не сказал. Лишь покосился на окно, за которым шумел дождь, развернулся и, не мешкая, покинул холл.

Поднялась суматоха. За неожиданными гостями спешно заперли ворота, и слуги бросились вытирать воду и грязь. Леди Милгид зажгла особую свечу, обошла помещение, сотворив пламенем охранные знаки, и трижды вымела веником за порог, чтобы гости уж точно больше не вернулись. А Лея наблюдала за этим, забравшись с ногами в большое кресло, натянув на замёрзшие ноги медвежью шкуру и отхлебывая из кружки уже остывший грог. Ей было холодно и страшно. Она ощущала, как внутри у неё страх плещется, как прибой – то накатывая, то отпуская. И никак не могла понять – почему её так испугало прикосновение командора? Как будто от него по её венам потёк холод, добравшись до самого сердца, и от этого оно теперь колотилось так сильно, словно пыталось заново разогнать кровь.

Грог постепенно согрел, волнение в крови начало стихать, и вернулась способность рассуждать здраво. А когда слуги закончили, и леди Милгид отправила их спать, Лея выскользнула из кресла и подошла к матери.

– Матушка, – спросила она шёпотом, – что всё это значит?

– Вот уж принесла нелёгкая этих кровопийц, – прошептала в ответ леди Милгид. – Надеюсь, боги смилостивятся над нами и на этот раз.

– Так что это значит? – переспросила Лея, беря мать за рукав.

– Ничего это не значит. Какие-то рыцари ищут беглую ведьму! Мало ли что это значит! – буркнула Аберта Милгид, отводя взгляд. – Не наше дело.

– Какие-то рыцари? Мама, ты знаешь, кто это был?! Этот командор Ордена – у него на груди была печать аладира! Это один из Старших Стражей Ордена! – прошептала Лея, склоняясь к уху леди Милгид.

Но в глазах матери она не прочла удивления.

– Это Рошер. Страж Севера, – леди Милгид устало опустилась в кресло и, посмотрев на Лею, добавила: – А теперь иди спать.

Глава 2. Враг моего врага

Ветер рвал ткань шатра так сильно, словно хотел выдрать её вместе с вбитыми в землю кольями. Генерал задёрнул полог, продевая верёвку в петлю, которую едва удержали заледневшие руки. Спасибо Барку – его адъютанту, который хоть и оказался бестолочью во всём, что касалось расторопности, но по части хозяйственных дел равных ему не было. Он утеплил шатёр медвежьими и волчьими шкурами, как обычно делают тавраки, и теперь внутри было достаточно тепло, чтобы не коченели за депешами пальцы и не застывала чернильница.

– Проклятый дайкан! – шептал себе под нос Барк, возившийся с походной печью. – Дует и дует, когда же это только закончится...

Весной закончится. Если они доживут, конечно, до весны... А может, всё закончится и раньше, если их всех перебьют при штурме перевала клятые лаарцы.

– Когда закончится? – устало ответил генерал, протягивая руки к огню. – Пёс его знает... Как говорят горцы, дайкан дует три дня. Считаю, послезавтра будет ясно.

Подготовка к штурму шла полным ходом. Прибыли почти все обозы и ещё два колдуна, а с ними проводник из Туров. И вчера люди Урлаха Белого с отрядом самых ловких бойцов тайно отбыли к Большому Седлу вместе с айяаррским проводником. Колдуны, правда, остались здесь – отсиживались в пещере чуть ниже по склону, жгли костёр да пили вино, дожидаясь, когда стихнет ветер. Но так даже лучше – меньше наблюдателей.

Все эти дни генерал тянул время до штурма, стараясь при этом не вызвать подозрения королевских соглядатаев. С утра до вечера ходил по лагерю, слушал доклады разведчиков, проверял оружие, снаряжение, рвы, которые готовили на случай отступления. Проверял и лютовал, наказывая за каждую мелочь, заставляя переделывать и напоминая своим людям, что в этот раз проиграть они не могут.

Кто бы знал истинную причину столь тщательной подготовки! Он и Урлаха направил с отрядом уже только тогда, когда тянуть дольше стало невозможно.

И теперь в запасе оставалось дня три-четыре, не больше – ровно столько, как обещал проводник от Туров, займёт дорога в лаарский тыл. Дозорные не спускали глаз с вершины, на которой должен запылать сигнальный костёр. Так что всем оставалось только ждать: кто точил оружие, кто травил байки, кто спал.

А генерал спать не мог. На душе скребли кошки, и лишь одна мысль не покидала его головы: только бы у Дарри всё получилось... Хотя в успех этой вылазки в стан врага Арджент Альба верил очень слабо. Слишком дикие эти горы и слишком они враждебны к чужакам. Да и времени у его капитана в обрез.

Так что клятый дайкан был просто благословением небес: северный ветер принёс им небольшую отсрочку штурма, а для генерала теперь важен был каждый день. Но и тянуть дальше, не вызывая подозрений, стало уже невозможно. Зима в горах подбиралась быстро, день за днём отвоёвывая себе понемногу занятые солдатами высоты. Выше шатров уже лежал тонкой коркой первый хрустящий снег. Королевский астролог не соврал: зима в этом году наступила рано и, по приметам, оттепелей не предвиделось. Так что если в итоге генерал проиграет в этой битве – штурм придётся оставить до весны. Ведь кто такой генерал Альба против зимы в горах? Даже королева понимала, что против этой напасти он бессилен. И только Биржил, кузен королевы, торчал целыми днями с подзорной трубой у кромки снегов, разглядывая далёкие остроконечные вершины и лаарских дозорных на них. Но и он видел, как мало могут лошади и люди генерала против снежных заносов. Биржил строчил депеши королеве, генерал писал отчёты, и раз в два дня адъютант раскладывал карту, чтобы прочертить на ней новую линию, показывающую, куда сдвинулась граница снегов. А она неумолимо спускалась вниз.

С датой штурма, наконец, определились. Отряд Урлаха должен быть на той стороне хребта аккуратно к полнолунию, и после того, как снимет лаарские заставы, подаст сигнал. А генералу оставалось только молиться всем богам и надеяться на чудо. И на своего лучшего разведчика Дарри Абалейна.

И чудо случилось.

Барк выгреб золу в таз, но только вышел за полог шатра, как снаружи раздалось зычное: – Смотри куды прёшь, дубина! Разуи глаза! Вечно путаешься под ногами! – и генерал без труда узнал раскатистый голос Бёртона.

В тот же миг кто-то отдёнул полог, и в шатёр вместе с холодным воздухом ввалились четверо мужчин.

– Вот каналья! Дарри?! Жив?!

Генерал вскочил, едва не перевернув жаровню, и бросился навстречу своему капитану, порывисто обнял и тут же отстранился, глядя на его красное от холода лицо. В тепле шатра снежинки, осевшие на волосах, сразу превратились в капли, и Дарри, стянув перчатку, вытер лоб тыльной стороной ладони.

– Да жив я, жив! Что мне сделается-то?! – ответил капитан с усталой усмешкой.

Рядом с ним из полумрака появился Бёртон, а затем Ард и Терри затащили внутрь какой-то тюк с поклажей и бросили прямо у порога.

– А это что? – спросил генерал. – И... где Кайя? Она с вами?

– Тут такое дело, ваша милость, – пробормотал Дарри, – не для чужих ушей... Отошлите охрану, надо бы потолковать с глазу на глаз...

Дарри обернулся, махнул своим людям, чтобы они вышли и, сняв с себя тяжёлый плащ из валяной шерсти, положил его на походный сундук. Затем подошёл к огню и протянул руки, а у генерала внутри всё похолодело – он снова бросил взгляд на тюк, оставленный у порога, и только сейчас отчётливо разглядел, что никакая это не поклажа.

На полу лежал связанный человек. И, судя по хорошим сапогам и полам камзола, расшитого серебром, это был не простой лаарский солдат.

Генерал выглянул из шатра, быстро распорядился отослать охрану и людей капитана, и даже Барку велел ближайший час на глаза не показываться.

– И кто это? – спросил, вернувшись в шатёр и разглядывая пленника.

– Это Дитамар Сколгар, князь Лааре, – произнёс Дарри, стоя у огня и не оглядываясь. – Наш трофей. И тот самый Зверь, которого я искал все эти годы. Его я и привёз вместо вашей дочери.

– Вместо? – голос генерала прозвучал хрипло.

Он подошёл ближе и остановился по другую сторону жаровни, не сводя с Дарри напряжённого взгляда. И вопрос, который он хотел задать, но не решался, казалось, просто звенел поверх горящих углей.

– Она жива, – Дарри сжал и разжал руки несколько раз, разгоняя кровь в пальцах, – и более того, теперь она жена верховного джарта Лааре – Эйвера Сколгара. И никто её теперь не тронет. – Дарри поднял тяжёлый взгляд и посмотрел на генерала в упор.

– Жена?! Проклятье! Да как он посмел?! Он дал слово! – вскипел тот, указывая рукой на связанного человека у входа и всё ещё не веря услышанному.

Генерал взял свечу, подошёл к пленнику, лежавшему на боку, толкнул его носком сапога, чтобы он перевернулся на спину, и взгляделся в его лицо. Сомнений не осталось – на устланном шкурами полу шатра лежал младший брат верховного джарта Лааре. Увидев генерала, он дёрнулся, но кляп надёжно удержал его попытку что-то сказать.

– Но... Как тебе это удалось? – генерал вернулся к жаровне.

– Ну это... Это длинная история. И я бы сначала выпил, а то, кажется, моё терпение уже на самом краю, – усмехнулся Дарри, пододвигая к огню грубый деревянный табурет и усаживаясь спиной к жаровне. – Быть капитаном Абалейном столько дней – та ещё пытка!

Генерал озадаченно посмотрел, не понимая, что он имеет в виду. Слишком трудный переход? Судя по их трофею, у отряда капитана выдались тяжёлые дни. Но взятый в плен лаарский князь – это дорогого стоит! На такое не способен больше ни один из его людей. И если они выживут в предстоящей мясорубке, то генерал пообещал себе, что Дарри станет его правой рукой. Капитан Абалейн точно заслужил повышение. Пора ему уже перестать бегать по горам в поисках Зверя – генералу нужны смелые и толковые люди подле себя.

– Рассказывай всё! – он протянул Дарри кубок с вином, а сам расположился напротив.

– То, что ты сейчас услышишь, наверное, тебя удивит... Но эту историю нужно рассказывать с самого начала, – произнёс Дарри, отхлебнув вина, вынул кинжал и положил его на колено. – Историю о том, как спустя столько лет мы оказались здесь, ты и я, друг напротив друга.

Это слова прозвучали очень странно...

И генерал внезапно осознал, что капитан вообще ведёт себя как-то странно... Так неожиданно перешёл на «ты»... Не поклонился, как всегда... Прежде, чем отпить из кубка, понюхал вино... Стряхнул с табурета крошки, да и сидел сейчас на нём слишком уж... вальяжно? Дарри обычно падал прямо на волчью шкуру на полу, не особенно заботясь о том, достаточна ли она чиста.

«Как спустя столько лет мы оказались здесь, ты и я, напротив друг друга...»

Что-то неприятно зануло в груди, и так некстати подумалось, что, кажется, зря он отослал охрану.

– Вижу, ты начинаешь понимать... Ну да... Я просто устал таскать эту личину, не самую приятную, надо сказать, – усмехнулся Дарри. – Изображать из себя кого-то другого – то ещё удовольствие.

– Ты не Дарри Абалейн, – хрипло произнёс генерал, ощущая, как сдавливают сердце отчаяние и злость.

– Угадал! Я и в самом деле не капитан Дарри Абалейн. Твой капитан лежит связанный у порога и... – кинжал молниеносно оказался в руке «лжекапитана», – только дёрнись, генерал, и этот клинок войдёт тебе в горло, ты даже глазом моргнуть не успеешь. Я о-о-очень хорошо метаяю ножи.

Генерал напряжённо всматривался в лицо человека, сидящего напротив, и отчётливо видел, как постепенно оно меняется. Будто тает туман, и сползает с него клочьями. И вот спустя пару мгновений перед ним уже тот, чьего появления здесь он даже и представить не мог.

Тёмные волосы, карие глаза, отливающие янтарной желтизной, и кажется, что в них отражаются языки пламени из горящих углей жаровни, надменная ухмылка...

– Проклятье! Так ты... Ты – Дитамар Сколгар! – голос генерала сорвался на хрип.

– Я. Собственной персоной, – его гость хищно улыбнулся и чуть склонил голову набок, будто в приветствии. – Сказал бы, что рад тебя видеть, генерал, но это не так.

– Проклятая айяаррская магия! – генерал сплюнул. – Ну и что теперь? Ты убьёшь меня? Думаешь остановить этим штурм?

– Убью? Ну... если только ты будешь очень на этом настаивать. Хотя я мог бы убить тебя сразу, едва вошёл в этот шатёр, – Дитамар поставил кубок на край походного стола и, закинув ногу на ногу, продолжил неторопливо: – Я мог бы вырезать половину твоего лагеря под покровом ночи, включая даже всех тех, кого ведёт сейчас айяаррский предатель-проводник через Большое Седло. Я мог бы... Но, как видишь, я не сделал этого. Я даже твоего капитана не тронул, хоть он и порядком выбесил меня за эту дорогу. Так что цени моё терпение.

– И почему же ты всего этого не сделал? – прищурился генерал, напряженно думая, к какому оружию успеет дотянуться, если понадобится.

Но в то же время он понимал: что бы ни привело князя Лааре сюда – это было что-то из ряда вон выходящее.

– Почему? Потому что я дал слово твоей дочери, Альба. Что я не убью тебя и твоих людей. Ну, если, конечно, ты сам не нарвёшься. Так что не провоцируй меня.

– Ты дал ей слово?! И в это я должен поверить?

– Как бы ни смешно это звучало, но... в нынешнем противостоянии на Оленьем Роге нет ничего крепче моего слова. Хотя... ты вряд ли поймёшь всю иронию этого выражения.

– И с чего бы тебе давать слово моей дочери? – спросил генерал, скользнув взглядом по рукояти сабли, лежащей на походном сундуке справа. – Ты и твой брат похитили её и хотели вырвать ей сердце. А теперь с чего вдруг волки и овцы поменялись местами?

– Она меня спасла, – Дитамар взмахнул кинжалом. – Меня, моего брата, весь Лааре. И, собственно, поэтому я здесь. Чтобы спасти ещё и тебя.

Генерал смотрел на своего врага, не понимая, что всё это значит. Это звучало как полный бред, выглядело как полный бред, и генерал даже покосился на жаровню – не принёс ли Барк случайно вместе с дровами серых гнилушек? Бывало, что дым от таких грибов играл с рассудком человека злую шутку. Генерал ущипнул себя за запястье, но всё осталось на своих местах. И лицо Дитамара было всё таким же серьёзным.

А значит... Он что, снова хочет что-то выменять у него так же, как в прошлый раз с Кайей? Выторговать новую отсрочку?

– Спасти меня? И от кого же меня спасать, кроме клятых лаарских собак?

Дитамар прищурился, разглядывая генерала, а потом пересел на край походного сундука, так, чтобы быть чуть выше своего заклятого врага. Он взял саблю, лежащую здесь же, вытащил её из ножен и задумчиво повертел, разглядывая лезвие в пламени свечей.

– Сейчас я расскажу тебе историю, Альба. Историю об одной женщине, обо мне и моём брате. И о тебе. А после этого мы поговорим о том, почему я пришёл тебя спасать. Надеюсь, ты никуда не торопишься? – он отложил саблю и скрестил на груди руки...

* * *

Когда Дитамар закончил свой рассказ, даже в полумраке шатра было видно, как изменилось лицо генерала.

– Ты же не думаешь, что я во всё это поверю? – спросил он хрипло, пытаясь совладать с голосом. – Моя жена, зверь, королева... Вы придумали эту байку, чтобы задеть меня за живое, внести смуту и выиграть себе ещё немного времени, так? Я слышал, что лаарские колдуны умеют копать в душах!

– А ведь ты уже сомневаешься, не так ли? – с кривой усмешкой спросил Дитамар. – И почему? А может, потому что и сам видел какие-то знаки, только отмахивался от них? А теперь уже не отмахнёшься. Но если хочешь удостовериться – давай! Поезжай к своей жене и спроси о той встрече с Карриганом в саду её отца. Спроси о ведьме из Рокны, которой она подарила голубое платье. Спроси, зачем она к ней ездила и что у неё просила, – Дитамар потянулся, взял бутылку вина и отхлебнул прямо из горлышка. – Мне даже жаль тебя. И это странно, потому что я давно ни к кому не испытывал жалости. А ещё, знаешь, я всегда хотел спросить у тебя... Когда ты подобрал эту гадюку у перевала Кахиа и спустил на меня собак, что она сказала тебе? Что я хотел её обесчестить? Убить? Ограбить? И почему ты ей поверил?

– Она... она была напугана... беззащитна... искренна...

– Искренна! Ну-ну! Хотя... Я ведь тоже ей поверил. Мы едва не отдали ей Источник... Обвести мужчину вокруг пальца – это она умеет!

– Она не сразу мне всё рассказала. Уже потом в Рокне призналась, кто она на самом деле и просила хранить её тайну, – негромко произнёс генерал, и казалось, мыслями он где-то далеко. – Она сказала, что приехала тайком к священной Каменной Деве, чтобы просить о милости. Она была больна. Ну а ты воспользовался её беззащитностью. Убил её слуг...

– Ты был идиотом, Альба, – перебил его Дитамар. – И я был идиотом. Но я излечился от этого. Надеюсь, и ты излечишься. Как говорят горцы, мудрость приходит к нам с опытом. А опыт порождает наша глупость. Ты можешь мне не верить. Но подумай вот над чем... – Дитамар встал, снова подошёл к жаровне и стал говорить медленно, не сводя взгляда с пылающих углей: – Допусти хоть на мгновение, что всё сказанное мною – правда. Во что сразу же превращается твоя жизнь? – он криво усмехнулся. – Ты служишь убийце своей первой... любимой жены. И женат на той, кто это убийство оплатила. Ты сам убиваешь лаарцев, на которых нет никакой вины. Ты собираешься штурмовать Олений Рог, зная, что принесёшь смерть и разрушение в новый дом своей дочери. И к тому же зная, что вы все погибнете в этом сражении – мы теперь сильны, как никогда раньше. Обрушить Олений Рог вам на голову нашим Заклинателям ничего не стоит. Ну и как тебе такое? Даже если ты выживешь в битве, как скоро груз этой вины раздавит тебя? Уж поверь, я знаю, что такое жить с камнем на шее.

– Что тебе нужно от меня? – хрипло спросил генерал и резким движением руки ослабил шейный платок, словно тот его душил. – Зачем ты явился сюда, рискуя жизнью? Просить отсрочки?

– Я хочу убить её, – резко ответил Дитамар, будто разрубил мечом воздух между ними. – Убить королеву.

– Убить?!

– Именно. Я убью эту гадину, и тем самым решу все мои проблемы. И твои, кстати, тоже. Это остановит войну, спасёт твою дочь, моего брата и Лааре. И всех тех, кого ты собираешься отправить послезавтра на штурм. И это правильно. Конечно, скорее всего, ты перестанешь быть генералом, но... думаю, после всего, что ты узнал, ты и так не сможешь ей служить. А она казнит тебя за это знание. Но я могу помочь избежать ненужных жертв. Конечно, не за просто так... – Дитамар прошёлся по шатру, посмотрел на связанного капитана, который наконец-то обрёл своё настоящее лицо, и добавил, задумчиво: – Королеву не так-то просто убить. Она окружена ашуманскими колдунами. Но ты можешь мне помочь, Альба.

– И чем же? Что, по-твоему, я могу против ашуманских колдунов? Я не колдун, я солдат.

– От тебя мне нужно только одно – расскажи о её слабых местах.

– У неё нет слабых мест.

– У всех они есть. Твоё же я нашёл, – усмехнулся Дитамар. – Зеленоглазая Кайя... Прелестная маленькая веда... Это была, пожалуй, моя лучшая находка!

– Как ты смеешь?! – генерал поднялся, но тут же наткнулся на направленное в грудь остриё сабли, вмиг оказавшейся в руке Дитамара – реакция у его врага была молниеносной.

– Утомонись. Твоя дочь абсолютно счастлива с моим братом. Скажи мне спасибо за то, что она не вышла замуж за пузатого купца из Гидэлына. И кстати, у меня есть для тебя письмо от неё. И не только письмо, – Дитамар снял с шеи серебряную цепь с жёлтым кулоном и бросил её в руки генералу. – Зажми этот камень в кулаке и сможешь увидеть свою дочь. Камни хорошо умеют хранить память. Теперь, когда у нас есть ещё один Источник, мы можем создавать и не такие чудеса. Давай же, не бойся, чего тебе бояться теперь, когда я здесь? – Дитамар усмехнулся и добавил тише: – Сожми его в кулаке и подумай о дочери. Я подожду. И, кстати, письмо...

Он достал из внутреннего кармана свиток в кожаном кофре и протянул его генералу, отводя саблю в сторону.

Некоторое время в шатре было тихо, лишь слышно, как снаружи бесновался ветер и потрескивали в жаровне угли.

– Это может быть просто наваждением... Вы мастера создавать миражи. А письмо... вы могли заставить её написать эти слова, – произнес генерал устало, разжимая кулак.

Казалось, то, что он увидел в этом камне, совсем лишило его сил и состарило лет на десять.

– Может быть, конечно, и так. Но где-то в глубине души, Альба, ты уже сложил эту мозаику и сам всё понял. А теперь решай. Что бы ты ни решил – дело, конечно, твоё. Я клещами тянуть из тебя это не буду. Поможешь – не сможешь, мне на самом деле без разницы. Я в любом случае поеду своей дорогой и всё равно убью эту гадюку. А здесь я только потому, что обещал твоей дочери тебя спасти. Вот и спасаю. Но если ты сможешь мне, думаю, это будет правильно по отношению к... Рие.

Это имя, прозвучавшее из уст Дитамара, ударило по генералу словно бичом. Это имя всколыхнуло в душе что-то далёкое и очень болезненное, как будто удар пришёлся по старому сросшемуся перелому, сломав кости заново.

Генерал бросил кулон с жёлтым камнем на сундук и встал. Нервно прошёлся вдоль дальней стены шатра, засунув за ремень большие пальцы рук, а потом сказал:

– Допустим, в твоих словах есть доля правды, но это не отменяет всего того, что совершил Зверь...

– Как и того, что совершили люди королевы под твоим командованием, – закончил за него Дитамар.

– Если это правда – её нужно судить... Только суд рыцарей может судить королей. Суд чести. Нельзя пойти и убить её просто так. Это бесчестно.

– Судить? – глухо рассмеялся Дитамар. – Не слышал ничего глупее! Нет, генерал, я сам буду её судить. Судом чести не судят тех, у кого её отродясь не было. Она украдала несколько лет моей жизни, она украдала жизни моих братьев и сестёр, и я не доверю суд над ней кучке каких-то болванов в доспехах. Она утопит вас в сладких речах, как щенят в пруду. А потом повесит на Портовой площади. Как ты дожил до седины, будучи таким благородным? Хотя именно благородство часто бывает у подлости на посылках, – усмехнулся Дитамар, но быстро погасил усмешку и снова спросил: – Так ты мне сможешь? Или мы будем говорить о благородстве, достоинстве, чести и рыцарях?

– Я не знаю её слабых мест, – устало ответил генерал, глядя перед собой.

– Тайны? У неё есть тайны? – не унимался Дитамар. – У женщины с таким прошлым не может не быть тайн. Ну или хотя бы назови её злейших врагов. Как известно, враг моего врага – мой друг.

– Враги? – генерал задумался. – Ирдионский Орден. Некоторые Старшие дома... А насчёт тайн... Да. Кажется, есть у неё одна тайна. Но узнаешь ты её не раньше, чем я проверю, правдив ли твой рассказ.

Глава 3. «Живи незаметно»

– Рошер? Ты знаешь в лицо Старшего аладира Ордена? – с удивлением спросила Лея. – Но... откуда?

– Тише! – Аберта Милгид приложила палец к губам. – Не буди лихо, пока оно тихо. Не стоит даже упоминать вслух это имя. Иди спать. А я помолюсь богам, чтобы эта чума миновала наш дом, и он больше не вернулся.

– И это всё? – на лице у Леи появилось упрямое выражение, и леди Милгид встала и тоже прищурилась в ответ, сцепив руки замком.

Мать и дочь умели противостоять друг другу.

– Чего же ещё ты ждёшь?

– Ответов! Почему ты велела мне притвориться больной? – твёрдо спросила Лея. – Почему соврала про отца?! Почему назвала чужое имя? Я Лафорт, а не Рюмон! И я никуда не пойду, пока ты всё мне не расскажешь!

– Ты упрямое и глупое дитя, – не менее твёрдо ответила леди Милгид. – Меньше знаешь – крепче сон. Помолись и иди спать. Надеюсь, боги нынешней непогодой как следует утомят этих господ в белых плащах. И не забивай голову всякими пустяками, матери виднее от чего нужно оберегать своих дочерей. – Леди Милгид поправила выбившийся локон из тугой косы светлых волос. – Да мало ли чего могло показаться этим рыцарям?! Они ночью посреди бури рыскают по Предгорью, да ещё во главе со Старшим стражем! И уж точно они не рады такому путешествию под дождём! А ты, как назло, точь-в-точь подходишь под описание той ведьмы. Темноволосая, стройная, красивая, таскаешь мужское платье! Владеешь оружием и языкастая не в меру! Много ли надо, чтобы послать тебя на костёр, глупая?! И за меньшее сжигали! Потому я и соврала. Иди спать.

Леди Милгид потуже затянула пояс домашнего платья. Камин давно угас, и по полу всюду гуляли сквозняки.

– У меня глаза синие! А у ведьмы карие, я слышала, как ты зачитывала описание вслух, – ответила Лея упрямо.

– Глаза! – фыркнула леди Милгид. – Нашла за что цепляться! Кто там смотрит ведьмам в глаза! Уж коли сам аладир прискакал на край света сюда к нам, значит на эту ведьму облава по всему Предгорью, а то и по всей Коринтии! И поверь, ради такого дела могут и всех похожих девиц прихватить, чтобы уж наверняка. Бросят в темницу, да будут разбираться потом. А может, и не будут, сожгут на всякий случай. Говорю же, ты ещё дитя! Не видела, что бывает. Иди спать, не стой тут на сквозняках!

Леди Милгид развернулась, подхватила канделябр и собралась уже было удалиться, но Лея забежала вперёд и преградила ей путь на лестницу.

– Я не дитя, матушка! И я уже давно не дитя. Я живу в Рокне. Одна! А это большой город, и в нём много разных людей. И учусь я прилежно, так что я вовсе не глупая. И глаза у меня есть! Не говори, что я ничего не видела. Я знаю, кто такие господа в белых плащах и, может, даже получше тебя, и знаю, что бывает за ложь им! И ты знаешь, – Лея понизила голос. – А раз ты, не побоявшись костра, соврала им в нашем доме, значит на то была очень важная причина. И касается она меня. Думаешь, я не знаю, какое у тебя бывает лицо, когда тебе страшно? И голос... Так что лучше расскажи мне правду, так ты убережёшь меня от опасности лучше, чем этой ложью.

Пламя свечей трепетало от сквозняка, и сквозь закрытые ставни было слышно, как на улице усиливается дождь. Лея смотрела в глаза матери и видела её колебания. С дочерью леди Милгид никогда не бывала откровенной и сейчас не собиралась, но в этот раз что-то измени-

лось. Она оглянулась, словно хотела удостовериться, что их никто не услышит, а потом покачала головой и произнесла жёстко:

– Всё горе от твоего ума, Лея, да простит меня Мирна-заступница! И от упрямства! А от него даже больше! Нет ничего хуже упрямой и умной женщины! – леди Милгид подбоченилась и добавила, понизив голос: – Вот ума бы тебе поменьше боги даровали, да побольше покорности – было бы куда лучше. Вот ты бы и послушалась меня, вышла замуж за барона из Броха, который к тебе сватался. Или за ирмелинского князя Ройгарда Лардо, да пребудет он теперь в светлых садах Миеле. Или за купца из Лисса. Да мало ли партий подходящих?! К тебе вон каждый день с намёками гости наведывались. Была бы ныне замужней уважаемой женщиной, а не горбилась над книгами у парифика Сирда! Никакие бы рыцари не страшны были.

Леди Милгид говорила так яростно и взмахнула канделябром так сильно, что горячий воск полился на пол, и две капли попали Лее на руку. Лея никогда её такой не видела и от неожиданности даже попятилась, шагнув на ступеньку выше.

– О чём ты, мама? – спросила с удивлением. – С чего бы мне бояться рыцарей? И при чём здесь моё замужество? Не хочу я замуж барона из Броха! И за купца не хочу! А Ройгарда Лардо вообще медведь задрал, и была бы я уже вдовой! Я хочу учиться! Мне это нравится! И потом, ты сама же говорила, отец хотел, чтобы я училась. Он так тебе наказывал перед смертью и даже денег на это оставил. Разве нет? Так в чём ты меня упрекаешь?

Лея даже растерялась. Отец погиб в восстании Чистой крови, защищая короля. Он всегда хотел, чтобы его дочь была образованной, и мать раньше этому не противилась, да и замуж её не гнала. Конечно, с шестнадцати лет она постоянно устраивала ей всякие смотрины, но какая мать не желает выгодного брака для своей дочери? Так с чего вдруг она взялась попрекать её учёбой в университете?

– Вот и училась бы языкам! Танцам или игре на дзуне и клавесине! Да хоть поэмы сочинять! Всеуму, что пристало приличной женщине. Но уж никак не сидеть со студиозусами в фартуках и смешивать в склянках всякую грязь и мерзость! – леди Милгид снова махнула канделябром. – Но и то ладно, раз такова была воля твоего отца, я смирилась. Хочешь научиться превращать свинец в золото – что же, молодость на то и дана, чтобы делать глупости... – Леди снова Милгид провела рукой по волосам, заправляя выбившийся локон, как обычно делала от безысходности, и на её лице вдруг появилось скорбное выражение. – Да только поверь, девочка моя, ты была бы счастливее, будь за твоей спиной сильный мужчина, его семья, имя и дом. Я бы знала, что ты под защитой. А будь у тебя дети, не думала бы ты о том, как смешивать терпкий аммиак с... чем там ты его смешиваешь. У меня сердце кровью обливается, когда от тебя нет писем. Ты там совсем одна...

– Мама! Не начинай старую песню! Я не одна! Со мной Рут и Коннор, они меня никому в обиду не дают. И парифик Сирд. И танцам я давно уже выучилась – чему там учиться?! – Она шагнула вниз, забрала у матери канделябр и потянула её за рукав к креслу. – Присядь. И расскажи мне, зачем ты соврала про то, что отец умер от лихорадки, и мне велела притвориться блаженной? Почему скрыла моё настоящее имя? Ты же знаешь, я не болтливая.

Леди Милгид опустила в кресло и устало вздохнула. Для своих лет она всё ещё была очень красива, но сейчас Лея впервые заметила на лбу у матери чёткие линии морщин.

– Знаешь, что написано в Каноне, в наставлениях для благочестивой женщины? «Живи незаметно!» Запомни, моя девочка, – произнесла леди Милгид, накрыв своей ладонью руку дочери, – это верно не только для женщин. Для всех. В этом мире маленькому человеку всегда нужно быть незаметным. Нужно быть в тени сильных, чтобы они со своей высоты не могли тебя рассмотреть. И нужно быть проворным, чтобы они тебя случайно не растоптали. Нужно сливаться с травой, с деревьями, с другими людьми... И чтобы такие люди, как этот аладир, тебя не замечали, нужно и выглядеть, как тысячи таких же, ничем не примечательных мелких дворян. Ведь кто такой барон Рюмон из Индагара, который умер от красной лихорадки? Он

и припомнить не смог. Кому интересны Младшие дома? Бароны, у которых пятеро слуг, три лошади да надел земли вдоль речки до моста? И ренты кот наплакал. Вот и хорошо, что никому нет до нас дела...

– Мама! Это – не ответ. Мой отец пал в бою, защищая короля во время мятежа! Почему я должна это скрывать?

– Да потому что твой отец пал в бою, не защищая короля! Он был схвачен вместе с другими баронами-мятежниками и казнён на Портовой площади в Рокне, – выдохнула леди Милгид, расправляя складки на платье и не глядя на дочь. – А я забрала тебя и бежала к сестре в Индагар, потому что семьям мятежников грозила королевская кара. Я взяла фамилию своей бездетной тётки – Лафорт – и сказала, что мой муж умер от красной лихорадки. А вскоре я вышла замуж за Вальду Милгида и уехала в эту глушь.

– Так мой отец... Если он не барон Лафорт... Вернее, барона Лафорта вообще никогда не было, то...

– «Живи незаметно». О чём я и говорю. Никто здесь не знает всех мелких баронов Индагара. Так что никто не знает, что его никогда и не было.

– Но мой отец тогда... он мятежник?! И... кто он на самом деле? – совсем тихо спросила Лея.

Ноги у неё совсем заледенели в лёгких туфлях. А может, это мороз пошёл по коже от открывшейся внезапно тайны. Дождь за окном усиливался, будто небо разверзлось над Милгидом, и ветер стучал открывшейся где-то ставней, всякий раз заставляя вздрагивать, когда этот стук раздавался особенно громко.

– Я не стану тебе говорить. Он был бароном и мятежником, и если узнают, что ты его дочь... Надеюсь, ты понимаешь, что о таком нельзя говорить вслух? И никогда меня больше об этом не спрашивай.

Лея смотрела на мать и не знала, что сказать. Но теперь кое-что становилось на свои места. Стало понятно, почему у них не было никаких вещей её отца. Не осталось ни сабли, ни бракета, ни даже герба дома Лафортов... вернее, его настоящего дома, названия которого она не знала и вряд ли узнает когда-нибудь. Понятно, почему мать никогда не вспоминала о нём, не произносила его имя даже в молитвах на День всех усопших. И почему не говорила о том, где жила до того, как вышла замуж за барона Милгида.

– Но рыцари, мама, им-то какое дело до нас? И почему ты не назвала меня привычным именем? Раз никто не знает Лафортов... почему Рюмон?

– Если бы рыцари Ирдиона были святы и чисты, какими им полагается быть... Но поверь мне, моя девочка, любые тайны продаются тому, кто хорошо за них заплатит. А рыцари Ирдиона лучше всех умеют подмечать чужие тайны, на то они рыцари. Так что повторю тебе и в третий раз: «Живи незаметно». Чем обыденнее будет для них причина – тем лучше, и красная лихорадка в этом случае лучше мятежа. В Индагаре был барон Рюмон, который и правда умер от лихорадки. А теперь иди спать. И всё забудь. Ты у меня умная девочка, понимаешь, что о таких вещах мы больше говорить не будем.

Лея вернулась в комнату. Дезире давно уже уложила сестёр спать, и только смятая постель напоминала, что ещё до полуночи в жизни Леи всё было по-другому. А вот теперь...

Она – дочь мятежника! Силы небесные!

В народе мятеж называли «Восстанием Чистой крови», но в университете Лея мало внимания уделяла истории и не слишком хорошо знала детали. А вот сейчас ей очень помогли бы книги, но, увы, в замке Милгид из всех книг были только Канон, да ещё те, в которых экономка вела учёт провизии, а барон – сборы ренты и записи об урожае. И Лея решила, как только вернётся в Рокну, сразу найдёт книги об этом восстании. Там у неё под рукой целая библиотека университета, и она знает, у кого расспросить о подробностях. А заодно и взять список всех казненных баронов. Пусть мать не назвала имя её отца, Лея и сама его найдёт.

Она прислонилась лбом к стеклу, глядя сквозь него на струи воды. Пламя свечи отражалось в окне и растекалось рыжим пятном, и всё, что было видно по ту сторону – прилипшие к стеклу жёлтые листья вяза, сорванные беснующимся ветром.

Не к добру этот ливень посреди осени... Смывает мосты по Суре, или того хуже...

Сердце стучало гулко и тревожно, и Лее было не по себе. Дождь всегда её успокаивал, но почему-то не сегодня. Сегодня за его пеленой ей чудилось что-то страшное, что сдавливало грудь, мешая дышать. Ей показалось, что она стоит на краю большого водоворота или, может быть, лавины, от которой оторвался первый комочек снега. И лучше бы ей задержать дыхание и не шевелиться, иначе, сделай она один лишь шаг, эта лавина накроет её с головой. Или утащит водоворот.

Откуда пришли эти странные ощущения?

Лея отпрянула от окна, чувствуя, что совсем замёрзла. В голове был сумбур, и единственное, о чём она подумала, забираясь в постель – спросить завтра у матери, а знает ли обо всём этом барон Милгид?

Глава 4. «Око воды»

– Лея! Вставай! Просыпайся! – голос леди Милгид раздался почти над самым ухом и вырвал из вереницы беспокойных сновидений.

– Что? Мама? Рано же ещё... Что случилось?

Лея рывком села на кровати, оглядываясь по сторонам. За окном рассвет едва серел, и в комнате было совсем темно. Леди Милгид поставила масляный фонарь на подоконник и повернулась к дочери.

– Одевайся. Нам нужно кое-что сделать, пока все спят, – произнесла она тихо.

– Что сделать? – спросила Лея, вскакивая. – Что? Что случилось?

– Ничего не случилось. Одевайся.

Лея торопливо оделась и молча последовала за матерью по тёмному коридору, а затем вниз по лестнице. Леди Милгид шла бесшумно и быстро, придерживая одной рукой шаль на груди, а другой фонарь, освещая перед собой путь. От фигурных прорезей в решётке фонаря по стенам метались причудливые тени, и Лея старалась не отставать от матери и вопросов не задавала. Сердце колотилось оглушительно, и она понимала только одно – что-то всё-таки случилось. Что-то плохое...

Они прошли в подвал, под низкими каменными сводами, мимо бочек с вином и маслом и окороков, висящих на крючьях. Спустились ещё по нескольким ступеням к потайной двери, которая вела наружу, в ущелье, на каменистый берег ручья.

Зажатый между двух скалистых выступов, он протекал у самого подножья замка, и тяжёлая деревянная дверь, скрытая густыми зарослями ежевики и посконника, снаружи была совсем не видна. Дождь закончился, но напоенный досыта ручей сегодня превратился в настоящего зверя. Вода шумела и неслась по камням с такой свирепой яростью, что даже в подземелье ощущалась идущая от неё холодная сила.

– Я видела плохой сон, – произнесла леди Милгид, отдавая фонарь дочери и отодвигая тяжёлый засов.

Аберте Милгид иногда снились вещие сны. Об этом она никогда не говорила, но Лея, Фина и барон Милгид знали. После таких снов леди Аберта обычно была молчалива, молилась истово, ставила свечи всем богам, а потом советовала что-нибудь, будто невзначай, но настолько твёрдо и жёстко, что никому и в голову не пришло бы её послушаться.

...Не ездил бы ты на охоту, Вальду. Не тот завтра день... Скажись больным.

...Не стоит нам пускаться на этой неделе никаких людей на ночлег. В горах ещё вполне тепло, и в округе немало стогов с сеном.

Лея помнила, как на следующий день на охоте барона Дрэдфорда сбросила лошадь, и кабан насадил его на клыки. И не только барона, но ещё и его племянника и слугу, прежде чем зверя уложил смертельный удар загонщика. Или как постояльцы на ночь, с виду вроде приличные люди, закупщики провианта для королевской армии, на самом деле оказались ворами и убийцами.

А сегодня, после ночного визита ирдионских рыцарей, слова матери о том, что она видела плохой сон, прозвучали столь зловеще, что у Леи даже руки задрожали, едва не выронив фонарь.

Тяжёлая дверь подалась медленно, но отворилась без скрипа, пахнуло берёзовым дёгтем – кто-то предусмотрительно смазал дверные петли. И Лея подумала, что, видимо, мать приходит сюда не в первый раз. От этого дурное предчувствие только усилилось.

Снаружи их окутало холодом и влагой, и в сером рассветном воздухе даже показалось, что они выдыхают облачка пара – осень приближалась неумолимо. Небо уже высветлилось, и сумерки медленно отступали, сгущаясь где-то у самой воды. Вдали над тёмными макушками

деревьев виднелась белая шапка Монаха. Окрашенная первым розовым лучом, она отчего-то показалась Лее кровавой.

После ночного дождя ручей наполнился водой почти до краёв, оставив незатопленной только небольшую каменную площадку перед дверью. Пахло сыростью и прелой листвой. Леди Милгид осторожно отвела руками длинные ежевичные плети и переплела их между собой. Приподнялась на цыпочки и, пошарив рукой по стене, что-то достала из-за каменного выступа. Она обернулась, и Лея увидела в руках у матери резную шкатулку из тёмного дерева.

– Повесь фонарь, – она указала рукой на крюк возле двери, – и иди сюда.

– Мама, объясни, наконец, что происходит?! Что за сон ты видела? Обо мне? – тихо спросила Лея.

– О тебе, девочка моя. О тебе. И это был очень плохой сон. Присядь. Сюда, ближе к воде, и дай руку.

Лея протянула руку не задумываясь. Леди Милгид достала из шкатулки украшение – кулон на цепочке, похожий на маленькое серебряное веретено с тёмным камнем внутри, и острым концом уколола ей палец.

– Что ты делаешь?! Мама!

– Тише! Опустит руку в воду, – и, удерживая веретено за цепочку, леди Милгид опустила в воду и его. – А теперь смотри внимательно. Ты что-то видишь?

– Мама! Это же айяарская магия?! – сдавленно прошептала Лея, вспомнив ночной визит рыцарей Ирдиона и холодея внутри от страха.

– Т-с-с-с! Опускай руку! – она потянула дочь за запястье, погружая его в воду. – Смотри! – Лея встала на колени и склонилась к ручью. И хотя при первом прикосновении вода обожгла ледяными иглами, но потом её руку медленно окутали совершенно ощутимые тёплые струи. Как будто кровь из пальца, попав воду, согрела её. – Что ты видишь? – прошептала леди Милгид почти у самого уха дочери. – Смотри. Это должно быть или прошлое, или будущее...

Поначалу это была просто тёмная вода. Она шумела, заглушая все звуки, и, разбиваясь на повороте о камни, оседала мельчайшими каплями на лице и волосах. Лея моргнула, всматриваясь, и...

Ей никогда прежде не приходилось видеть такого. Казалось, вода в ручье начала нагреваться и парить, и от её поверхности стал медленно подниматься туман. Он стелился над водой, растекался в стороны, обволакивая леди Милгид, и берег, и камни, и ежевичные ветви с гроздьями уже подсохших ягод, пока всё окончательно в нём не исчезло.

– Что ты видишь? – снова услышала она голос матери.

– Ничего. Просто туман...

– Смотри внимательнее.

И туман вдруг стал редеть, оседать вниз к воде, и сквозь него отчётливо проступила картинка...

...творение лаарских каменных шептунов – величественный мост в три пролёта, словно спина зверя, приготовившегося к прыжку... Массивные кружева перил, и по обе стороны – гранитные статуи волков. Их каменные морды подняты вверх, и открытые пасти застыли в безмолвном вое...

Внизу течёт река, и теперь туман клубится над ней, он поднимается медленно вверх, поглощая величественный мост. И вот уже не видно ничего, кроме...

...жёлтых глаз с красными точками зрачков, которые смотрят прямо на Лею.

Из тумана проступает узкая вытянутая морда, чёрная шерсть, когти-лезвия на лапах, покрытых чешуёй, и крылья... Перепончатые крылья, словно у летучей мыши.

Крылатый волк. Даурус. Одна из четырёх тварей Нижнего мира смотрит на неё с широких перил массивного айяарского моста. Жёлтые глаза медленно наливаются кровью, и туман вокруг них окрашивается алым. А потом крылья твари распахиваются, и её пасть

с утробным рыком скалится острыми кинжалами зубов. Тварь отталкивается от перил, распрямляя лапы, так что когти высекают из камня искры...

...и Лея падает с моста.

Руку из воды она успела выдернуть за один миг до смертельного прыжка и отпрянула, упав на спину. Оттолкнулась пятками от берега, пытаясь отползти подальше от воды, пока не упёрлась спиной в деревянную дверь. Она бы и закричала, но страх сковал горло. Лея почти захлебнулась им, и всё что могла – дышать хрипло и рвано.

Мать бросилась к ней, села рядом и взяла за руку:

– Что? Что ты видела?!

– Святая Миеле! – только и смогла пробормотать Лея и уткнулась лицом в клетчатую шаль матери.

Потом они вернулись в подвал, заперли дверь и сели прямо там, в сумраке, среди бочек с вином и маслом.

– Я видела тот же сон, – произнесла леди Милгид, после того как Лея рассказала об увиденном. – Тебя и его на мосту. Это значит – зверь придёт за тобой. Тебе нужно уехать отсюда обратно в Рокну. Как можно дальше и как можно быстрее.

– Разве судьбу можно обмануть? – спросила Лея, перебирая край материнной шали.

После увиденного запертая дверь подвала и каменные стены вокруг успокаивали.

– Можно. Я обманывала много раз, моя девочка. Боги не зря посылают мне эти видения. Это было предупреждением.

– Но почему я? И что это за мост?

– Я не знаю. Но впредь лучше держаться подальше от любых айяаррских мостов. А теперь, думаю, ты должна узнать правду про Ройгарда Лардо. Мы с Вальду никому ничего не говорили. Зачем лишняя смута, и так тяжело. Но... – леди Милгид вздохнула. – Его не медведь задрал, как все думают. Его убил Зверь. А Ирмелин ведь насколько дальше от границы, чем Милгид! Кто знает, не к нам ли он наведается в следующий раз?..

Леди Милгид рассказывала подробности того, что узнал барон, когда был в Ирмелине. И о том, что перед этим она видела сон. Но Лея её почти не слушала.

Смотрела на мерцание фитиля в фонаре и думала, что, возможно, они с матерью первые, кто увидел лаарского Зверя и остался при этом жив. Пусть и Зверь этот был только в видениях. А ещё о том, что в конце этого лета она могла стать женой Ройгарда Лардо. Ведь старшего сына князя Ястребиной скалы прочили ей в мужья, он был красив и знатен, и если бы не её учёба...

А теперь он мёртв. И может быть, дай она ему согласие этой весной, она бы тоже уже была мертва. И ужас этого осознания медленно расползался по венам. Она вспомнила, как по приезде в Милгид они говорили с Финой как раз накануне её свадьбы. Кто-то привёз новость о том, что по ту сторону хребта в Ирхе Зверь убил целую семью мельника. И Лея, как могла, успокаивала сестру, убеждая, что в их каменный замок Зверь уж точно не заберётся. Фина всегда была впечатлительной, и в тот вечер, сидя на кровати у Леи в комнате, она вытирала слёзы и шептала горячо, что даже рада уехать к мужу в Лисс, потому что это уже очень далеко от границы с Лааре. Что Лисс – большой город, а в города Зверь не приходит.

– Мой учитель алхимии говорит, что Зверя можно уничтожить, – задумчиво произнесла Лея. – Можно сварить одно зелье из четырёх элементов, выманить его и убить. Зелье его ослабит. Я подсмотрела у учителя в книге и знаю, как его сделать. Нужен только тот, кто не побоялся выйти сразиться против Зверя, пока он будет слаб... И нужна специальная сеть с жилами чёрной ртути. А может, даже и сражаться не нужно будет.

– Мирна-заступница! – прошептала Фина, закатив глаза. – Даже не думай об этом! Сварить зелье?! Это же ересь!

– Это не ересь, это наука, – ответила Лея твёрдо.

– Он убьёт нас всех! И тебя тоже! Пожалуйста, Лея, не делай этого! Сражаться с тварями – это дело мужчин! Ты же помнишь, когда мы были на свадьбе в Ирмелине, там была семья Абалейн? Там был их старший сын – капитан Дарри. В прошлом месяце здесь останавливались закупщики генерала Альбы, а он служит у их генерала. Так вот они рассказывали, как он едва не схватил Зверя в Ирхе на мельнице. Он охотится за ним по всем Предгорьям. Вот он его и поймает, а тебе не стоит о таком даже и думать! И о зельях тоже! – Фина обняла Лею за плечи.

– Ладно-ладно, не плачь. Это я так... просто размышляла вслух, – ответила Лея, обнимая сестру. – Как его зовут?

– Капитан Дарри Абалейн из Ирмелина...

Сейчас ей это снова вспомнилось, потому что больше всего на свете Лея не любила испытывать страх перед неизвестностью. Сидеть и ждать, когда за тобой придёт Зверь? Ну уж нет! Нужно что-то сделать.

Она вынырнула из воспоминаний и посмотрела на мать.

– ...и нас позвали на именины к Айгарду Лардо. Но накануне я видела плохой сон, поэтому мы не поехали. И Зверь напал как раз на следующий день после именин на охоте, которую устроили в честь этого события, – леди Милгид набросила шаль на плечи дочери, видя, как та замёрзла. – Ройгард отстал от отряда и...

– Хватит, мама! Перестань! – Лея схватила её за запястье. – Достаточно этих ужасов! Нужно придумать, что делать дальше.

В тот раз вещий сон матери уберёт их семью. А что им делать в этот раз?

– Я велю заложить карету, и ты сегодня же поедешь в Рокну, – леди Милгид накрыла ладонью руку дочери. – И пока этот Зверь не будет убит или пойман – не возвращайся. Говорят, война скоро закончится. Падёт Лааре, и Зверя не станет.

– Мама? – Лея повернулась и посмотрела внимательно на леди Аберту. – А что это был за кулон? Ты поэтому так испугалась приезда рыцарей? Ты что, владеешь айяаррской магией?! Нас ведь всех могли сжечь за это! Зачем? Зачем он тебе?

Леди Милгид некоторое время колебалась, но, видимо, поняв, что дочь и так уже многое видела, решила, что, наверное, лучше рассказать всю правду до конца:

– Он называется «Око воды». Этот кулон мне дал твой отец, он выиграл его у какого-то айяарра в карты. Он помогает видеть будущее, – леди Милгид заговорила ещё тише. – Его нужно только опустить в проточную воду. Тот айяарр сказал ему, что все воды в мире связаны, и любое событие в любом месте мира ты можешь увидеть с помощью Ока. Сказал – если понадобится тебя уберечь, то кулон подскажет, что делать. Я пользовалась им лишь трижды. Так чтобы никто не знал. И рыцари не узнают... если быть осторожной.

– Мама! Айяаррская магия оставляет след! Если у них поблизости есть какая-нибудь шейда, которая умеет видеть... Нужно избавиться от него! – прошептала Лея.

Мать просто не представляла, что бывает с теми, кто нарушает Канон. А Лея видела костры Ирдиона своими глазами. Но леди Милгид остановила дочь коротким жестом.

– Никто не узнает, – произнесла она твёрдо. – Я пользуюсь им в исключительных случаях, а рыцари вряд ли сюда вернуться. Так что камень останется здесь. А ты уедешь сегодня же. И если рыцари всё-таки явятся снова и найдут какой-нибудь след, я скажу, что видела ту женщину, которую они ищут. И что это её рук дело.

– Но они могут найти этот кулон!

– Не найдут. А теперь иди к себе, собирай вещи, я велю заложить карету. И вели Рут и Коннору тоже поспешить, вам нужно выехать до полудня.

Но, прежде чем уйти Лея спросила:

– А барон знает что-нибудь о моём отце или об этом? – она махнула рукой в сторону потайной двери.

– Нет. И не нужно чтобы знал, – сухо ответила леди Милгид. – А теперь пойдём – как бы нас не хватились...

* * *

Столь внезапные сборы в обычный день, может, и удивили бы кого-нибудь в замке, но после вчерашнего обыска слуги были заняты наведением порядка да разговорами о страшной ведьме, за которой гоняется по предгорьям чуть ли не весь Ирдион. А сразу после завтрака вернулся барон Вальду Милгид с ворохом новостей.

Он рассказал, как заночевал неподалёку в деревне, потому что непогода разгулялась не на шутку. И что карету бросил там же – дорогу размыло так, что едва смог добраться верхом. А ещё рассказал, что от самого Лисса повсюду рыцари и отряды городской стражи, все ищут ведьму, которая, как оказалось, и вызывала Зверя. Все дороги перекрыты, и никого не пропускают ни на юг, ни на север, ни в сторону Восточных Врат.

И Лее пришлось остаться.

К вечеру разговоры о ведьме поутихли, барон рассказал, как устроилась в Лиссе Фина. О доме её мужа, и что всё у неё хорошо. А потом все разошлись спать, и только леди Милгид в этот раз обошла со свечой все этажи, велела запереть все ставни на засовы и проверила это сама.

Лея ворочалась в постели, мучаясь бессонницей. Не помогал ни мятный чай, ни капустный лист, приложенный к вискам, ни подушка, набитая хмелем, которую она взяла у Дезире.

Ведьма, которая призвала Зверя...

Все её мысли крутились вокруг Зверя и ведьмы, и сердце билось тревожно и гулко. Она вспоминала то своё видение, то «Око воды», то Рошера и его прикосновение, то рассказ матери о Ройгарде Лардо, и не знала, что вообще может быть хуже: встреча со Зверем или рыцарями Ирдиона. Заснула она почти под утро, даже не заметила как. Провалилась, будто в какой-то туман. Грани реальности стёрлись, и Лея даже не поняла, что это сон. Всматривалась в прозрачную дымку и отчётливо видела драгоценный камень – прозрачный ярко-синий глаз с вертикальным чёрным зрачком, заключённый в серебряный плен веретена. От него исходил голубоватый свет и растекался тем самым туманом. И казалось, он манит к себе и шепчет:

...Приди... Приди... Приди...

Лея снова видела мост и Зверя, и проснулась от собственного крика. Она не стала ничего говорить матери, посчитав, что этот сон лишь следствие пережитого накануне страха, но следующей ночью всё повторилось. На третью ночь Лея не выдержала.

Вскочила на рассвете, оделась и, взяв свечу, спустилась в подвал. Прошла ровно тем же путём, которым они шли с леди Милгид, открыла тяжёлый засов и выбралась к ручью.

В этот раз на берегу всё было по-другому. И хотя солнце ещё не встало, но в ущелье почему-то было светло, и Лее показалось, что светится сама вода в ручье. Свет струился из того места, куда леди Милгид в прошлый раз спрятала шкатулку, стекал по стене, по каменному выступу и растворялся в воде, наполняя её серебристо-голубым сиянием.

Мирна-заступница!

Лея бросилась к стене, встала на цыпочки и быстро нащупала углубление в каменной кладке, где хранилась шкатулка. Вытащила её, опустила на камень и открыла. На истёртой от времени коричневой бархатной подкладке лежал кулон. В серых рассветных сумерках он сиял так ярко, что Лея даже зажмурилась и быстро накрыла его ладонями.

– Да угомонись же ты! – прошептала она, не зная, что делать. – Тихо! Слышишь! Ты же всех нас погубишь!

Если это увидят рыцари Ирдиона – всем в замке не поздоровится! Это не просто какой-нибудь амулет из травы! Это как разжечь костёр в ночной степи: любой, в ком есть хоть малая

толика Дара – увидит. А у рыцарей есть шейды – жрицы, которые умеют читать не только память вещей, но и спускаться в Сумрачный мир, а в нём этот свет они заметят, даже не входя в замок.

Но почему этот свет видит она?! Неужели и в ней есть капля Дара?

И от этого у неё внутри всё похолодело. Но в то же время подумалось, что она бы знала, будь в ней хоть немного айяаррской крови. Нет в ней ничего такого: ни вещих снов, как у матери, ни предчувствий – ничего необычного.

Свет постепенно угас, и сияние тоже растворилось в воде и исчезло. Лея подняла руки и заглянула в шкатулку. Под её ладонями камень словно заснул – перестал сиять, и зрачок исчез, будто его и не было. Сейчас на коричневой бархатной подкладке лежало просто красивое украшение: серебряное веретено с синим камнем внутри. Она достала его, подняла за цепочку, разглядывая на просвет.

Что это за камень? Сапфир? Аметист? Топаз?

В университете она много работала с камнями и знала их все, но в серых предрассветных сумерках нельзя было понять, что спрятано в изящном плетении веретена. Если бы можно было взять его с собой, изучить...

Но она тут же отбросила эту мысль. Лучше всего отвезти эту шкатулку в горы и утопить в озере. Так безопаснее. Мать слишком уверена, что никто её не найдёт, но, если такое сияние повторится, когда здесь будут рыцари – это погубит семью Милгид.

И снова страх неопределённости сжал её сердце. Как можно жить спокойно, зная, что ежедневно подвергаешь себя такой опасности?

Она спрятала шкатулку обратно и вернулась к себе, решив поговорить с матерью и убедить её избавиться от этого камня.

Но мать её слушать не стала и даже разозлилась. А потом тоном, не терпящим возражений, велела собирать вещи, сказав, что пикеты по дороге на юг убрали, и теперь можно ехать. Вот завтра на рассвете и пора отправляться в путь.

А Лея не находила себе места, то и дело прислушивалась, не едет ли кто-нибудь, не слышно ли цокота копыт. Днём ей казалось, что вот-вот нагрянут белые плащи. А спать она ложилась с дурным предчувствием, ожидая снова увидеть камень и Зверя...

Но этой ночью ей приснился совсем другой сон. Поначалу Лея опять видела кулон-веретено, синий глаз и туман, но только в этот раз из тумана появился не Зверь, а башня.

Высокая тёмная башня, которую обвивает плотными кольцами гигантский огненный змей. Кольца мерцают, становясь то ярче, то угасая, будто угли в догорающем костре, и невозможно оторваться от этого завораживающего пульса.

Сколько этих колец?

Лея поднимает голову, скользит по ним взглядом, начинает считать... но их слишком много. Она смотрит выше и видит, что башня не достроена и последнее кольцо венчает чёрная голова огненного змея. Кожистые веки медленно поднимаются, и онисовые глаза смотрят прямо на неё...

И Лея совершенно чётко осознаёт, что ей не уйти отсюда живой.

Этот сон был гораздо страшнее предыдущего. И в это раз Лея проснулась в немом ужасе, даже дыхание перехватило. Она лежала, боясь пошевелиться, слыша собственный гулкий пульс и пытаясь выровнять дыхание. А затем встала с кровати, дрожащими руками зажгла свечу, натянула халат и спустилась вниз, в библиотеку.

Эти сны пугали. Этот страх перед неизвестностью выматывал. Как говорят: ожидание смерти, хуже самой смерти. Она не могла сидеть и ждать, когда случится что-то плохое. Ей нужно что-то сделать. Лея села за стол отца, достала бумагу, перо и чернильницу и, поджав под себя ногу, начала своё письмо:

«Милорду Дарри Абалейну, капитану.»

Вы, наверное, не помните меня, но мы встречались в доме семьи Лардо в Ирмелине...»

Когда она дописала письмо за окном уже начало светать. Лея посыпала свиток песком, подула, тщательно упаковала в кожаный кофр, завязала вощёной нитью и поставила печать барона Милгида.

Сегодня в их доме ночует один из закупщиков, который как раз едет в корпус генерала Альбы. Она передаст с ним письмо. Если Дарри Абалейн едва не поймал Зверя в Ирхе, то с тем зельем, которое она может сделать, он точно его убьёт.

Глава 5. Ничем не приметное лицо

Оорд ждал в условленном месте, как и договаривались.

– Зачем ты притащил меня сюда? – резко спросил он спешившегося Дитамара. – Выставил тут, как вора на ярмарке. Повсюду солдаты-кахоле...

– Хочешь быть незаметным – прячься на виду, – усмехнулся лаарский князь, набрасывая повод на коновязь и разглядывая потёртую одежду Заклинателя. – Да ты ни дать ни взять торговец козами из Броха!

Оорд и правда был одет купцом средней руки, которые сновали туда-сюда по предгорьям, закупали шерсть и скот, овёс, зерно и пеньку. Но это даже и хорошо: кому есть дело до мелких закупщиков?

Он покосился на грязные сапоги князя и буркнул в ответ:

– Ага, ты тоже ни дать ни взять барон с болотных земель. Вижу, генерал не пустил за тобой собак, но ты не слишком-то размякай. Это ещё впереди. Ну что? Привёз? Давай сюда.

Оорд протянул руку, и Дитамар вложил в неё жёлтый камень – тот самый, что давал генералу вместе с письмом от Кайи. И пока Заклинатель рассматривал его, огляделся вокруг. Солнце давно перевалило за полдень, и длинные тени от горных вершин уже накрыли долину выше по течению реки. В горах осенний день короток, мелькнёт, что беличий хвост – и вот уже сумерки.

Старый бук медленно ронял листья к ногам Дитамара, коновязь перед постоялым двором была почти пуста. Сезон перегона скота подходил к концу. Где-то вдали мальчишка гнал гусей со стороны реки, да здоровенный детина – сын Оорда Фингар – топтался поодаль в ожидании указаний.

Встречу с главным Заклинателем Дитамар назначил специально по эту сторону хребта, прямо на постоялом дворе близ Хаабхэйна. Это уже территория кахоле – далеко от границы, и на окраине стоит гарнизон, так что никто и не подумает искать здесь кого-то из лаарцев. И его путь хоть и лежит на юг, но ехать Дитамар решил по восточной дороге, пусть это и гораздо дольше. Если за ним будет погоня – а погоня будет непременно – то никому и в голову не придёт искать его здесь, прямо под носом у королевских солдат. А завтра он пересечёт хребет Кахиа, потом Хайалеле, и окажется в долине реки Суры, а там через Милгид проедет в Лисс и уж оттуда в Рокну в облике зафаринского ювелира.

Он вспомнил темноглазую красавицу-зафаринку, что приезжала в Лааре, и подумал, что вот он – идеальный способ спрятаться у всех на виду. В камнях он разбирается даже лучше, чем любой ростовщик с Золотой улицы в Рокне.

Оорд прав, размякать ему никак нельзя. Генерал хоть и проникся его рассказом, но верить в то, что тот будет сидеть сложа руки, было бы слишком самонадеянно. А есть ещё капитан Абалейн, который от бешенства едва не съел свой кляп. Вот он уж точно возьмёт след – столь сильна в нём жажда мести. Зря он оставил его в живых: война есть война, а он – враг. Но опять же... он дал Кайе слово его не убивать.

Размышляя, Дитамар пнул столбик коновязи, чтобы от подошвы сапог отлетела грязь – бесконечные стада, спускавшиеся осенью с гор в долины, размесили все дороги. Люди ненасытны, и с каждым годом этих стад всё больше и больше. И если бы королева выиграла войну, от Лааре, наверное, остались бы одни пастбища.

Зря, конечно, он ездил к генералу. И если бы не данное Кайе слово, не стал бы вообще тратить время на Альбу и уж тем более просить его о помощи. Просить – это удел слабых. Да и в том, что он узнал от Альбы, ценности было на медяк.

Враги королевы? Да ткни в любого пальцем. Тайны? А у кого их нет... Толку от таких ответов!

Может, конечно, когда генерал убедится в том, что Дитамар сказал правду, он и захочет ему помочь, вот только к тому моменту королева, скорее всего, уже будет мертва.

Но на всякий случай встречу в Рокне с Альбой он обговорил.

Одно радует – этими переговорами с генералом его долг Кайе теперь полностью уплачен, и можно, наконец, спокойно заняться воплощением плана мести в жизнь. Он пощадил генерала, капитана Абалейна и его людей, а значит, он больше никому ничего не должен. Ну если только самому себе...

– Ну что? – Дитамар оглянулся. Никого посторонних поблизости не появилось. – Давай!

Оорд некоторое время стоял, закрыв глаза, держал камень в кулаке и бесшумно шевелил губами. А потом пробормотал вслух, всё ещё не открывая глаз:

– Обрывочно всё. Для него было слишком сильным потрясением узнать такое от тебя.

– Что значит обрывочно? Ты же не первый раз это делаешь. За каким я притащил тебя от самой Уайры?! – воскликнул Дитамар, наклонился к уху Заклинателя и добавил вкрадчиво. – Ну же, напрягись, Оорд. Генерал ведь тебя пытал... Вгонял под ногти иглы... Ты должен о-о-очень хорошо видеть в его душе.

Оорд хмуро посмотрел из-под косматых бровей и снова закрыл глаза.

– Найд Джирарра, – произнёс он, немного постояв, – я вижу, как это имя всплыло у него в голове, когда ты спросил о тайнах.

– Другое дело! Я знал, что воспоминания о пытках хорошо освежают память, – усмехнулся Дитамар и прислонился к столбу. – Кто этот Найд Джирарра?

– Наёмник или что-то вроде этого.

– Как выглядит?

– Чёрный плащ, оружие... высокий, лысый, – медленно говорил Оорд. – Вхож в покои королевы в любое время. Убийца...

– Убийца... Неудивительно. Что ещё?

– Корабль под красными парусами... Королевский галеон. Стоит в гавани. Он возит какой-то ценный груз. В Ашуман, в Ксирру. И приходит оттуда тоже с грузом...

– Груз? Что за груз? Стекло? Краски? – спросил Дитамар задумчиво.

– Не могу узнать... Не вижу. Генерал не знал, что на этом корабле. Но это не простой груз.

– Как называется этот корабль?

– «Кэтриона».

– Хм... Что ещё?

– Дом в Рокне, – произнёс Оорд, открыв глаза и вытирая со лба пот тыльной стороной ладони: чтение камня – дело нелёгкое, требующее огромного количества сил. – Большой трёхэтажный особняк, в котором останавливался сам генерал и его дочь. И ты был тогда в саду этого дома.

– Х-м-м... Дом как дом, – Дитамар вытащил травину из брошенного у коновязи сена и принялся её жевать. – В нём есть что-то особенное?

– Как считает генерал, в этом доме бывают особые гости королевы. И там она проводит с кем-то тайные встречи, о которых не должен знать королевский двор.

– И с кем?

– Он и сам этого не знал.

– Наёмник. Дом и тайные встречи. Корабль и ценный груз, – произнёс Дитамар, отгибая пальцы. – Неплохо для начала. – Оорд хотел убрать камень, но Дитамар его остановил: – Э, нет! Давай-ка снова пройдишь по этой выработке, там наверняка должны остаться крупинцы золота. Что-нибудь ещё ты можешь выжать из этого камня? Кто её ненавидит? Ирдион? Старшие дома? Давай же, Оорд, встряска мне из него всё, что можно. Из генерала я бы выбил куда больше, но сам понимаешь – я дал слово его не трогать, – Дитамар развёл руками.

– Ещё какое-то слово «Сарангасса». Его слышал генерал, и это что-то важное. Но он не знает, что это.

– Это что-то на ашуман. Но я тоже не знаю что это, – задумчиво произнёс Дитамар.

Оорд ещё некоторое время стоял с камнем в руке, рассказывая князю обрывочные картинки того, что удалось увидеть. И на лице Дитамара застыло хмурое выражение.

Он думал, будет проще. Он был уверен, что узнает какую-нибудь зловещую тайну и использует её как рычаг давления. Но... Слишком большой оказалась мозаика и слишком много времени нужно, чтобы собрать эти кусочки. Зря он надеялся, что генерал окажется лучше осведомлён о делах королевы. Видимо, как и в прошлый раз, он сильно недооценил эту женщину.

– Ладно, хватит! – остановил он Оорда, видя, как от напряжения по лицу Заклинателя стекают капли пота. – Генерал оказался почти бесполезным. А жаль...

– И что будешь делать теперь? – Оорд вернул Дитамару камень и вытер шапкой потное лицо. – Как видишь, твой план оказался не так прост в осуществлении, как ты предполагал.

– Ну... Ты что, думаешь, у меня нет запасного плана? – хмыкнул Дитамар и выбросил травину. – Поеду в Рокну.

– А в Рокне что это за запасной план? – недоверчиво спросил Оорд.

– Он называется «Главное ввязаться, а там видно будет». В общем, я пока его обдумываю.

– Это плохо. Не стоит тебе ехать в Рокну просто так, да ещё одному, учитывая, что генерал наверняка сообщит королеве о твоём внезапном визите.

– Никто меня не узнает. Я буду держаться в тени. Для начала просто разведая, что к чему. Проверю, что это за наёмник такой. Прижму его как следует. Наведаюсь на корабль, наблюдаю за домом... Найду, чем заняться.

– Эфе вряд ли это одобрит...

– Уж ясно, не одобрит, – усмехнулся Дитамар, – но он уже получил свой подарок от судьбы, а я ещё нет. Я должен покончить с этой тварью, ты же понимаешь?

– Ладно. Ладно, – вздохнул Оорд. – Но будь осторожен. Возьмёшь с собой моего сына. Эй, Фингар, иди сюда!

– На кой мне брать его с собой? – фыркнул Дитамар. – Он же ещё ребёнок! А я тебе не нянька.

– Он будущий Заклинатель. И он поможет тебе создавать миражи и менять лица. Держать хаайю так долго ты один не сможешь.

– Он будет мне помогать?! – Дитамар посмотрел на Фингара и с сомнением покачал головой.

– Да, он. Он прилежный ученик и справится, я буду его поддерживать. Я бы и сам поехал, но ты же знаешь – я нужен на перевале... Надо, чтобы снег шёл каждый день и наступление провалилось... А Фингар... он хороший мальчик, но слишком мягкотелый – мать его слишком баловала, и ему не помешает поучиться у тебя мужеству. К тому же он сам просился поехать с тобой, все уши прожужжал.

– Как скажешь, Оорд. – рассмеялся Дитамар коротко. – Но я могу научить его только плохому.

– Ну, может, ему стоит поучиться чему-то плохому. Пришло его время стать «слётком» – научиться реальной взрослой жизни. Побывать Заклинателем без поддержки отца. Он, конечно, трусоват, чего говорить, но кто как не ты сделает из него настоящего мужчину? – Оорд коснулся локтя Дитамара и добавил, понизив голос: – Возьми его с собой, ты не пожалеешь.

– А вот ты можешь, – Дитамар похлопал Заклинателя по плечу и посмотрел на Фингара.

Тот мял в руках берет с пером и близко не подходил, и по его лицу было понятно, что он очень переживает. Оно и неудивительно – ведь ехать в такое ответственное, далёкое и опасное путешествие ему ещё никогда не приходилось. Да и сопровождать джарта Дитамара было само

по себе страшно в любом месте, не говоря уже о том, что при этом они ещё и направятся в стан врага.

Дитамар подумал, что этот здоровенный детина, хоть с виду и грозен, но, пожалуй, толку от него будет, как от телеги без лошади – придётся впрячься и тащить всё самому.

– Он сапоги чистить умеет? Стирать? Готовить? – прищурился Дитамар, разглядывая расшитую узорами жилетку Фингара.

– Умеет, конечно! – ответил Оорд с готовностью.

– Хорошо. Будет моим слугой. Но имей в виду – ты знаешь мои методы обучения. Я предупредил.

Оорд усмехнулся и натянул шапку.

– Ничего, у него крепкая шкура.

– Ты привёз всё, что нужно?

– Да. Лошади, одежда. Грамоты ювелирного дома, рекомендательные письма Карригана и, конечно, камни, – ответил Оорд, доставая увесистый кожаный мешочек и протягивая его Дитамару. – И напоследок, – Заклинатель посмотрел исподлобья. – Я тебя знаю и поэтому хочу предупредить: будь осторожен, выбирая и меняя лица. Лучше держись какого-то одного. И лучше – ничем не приметного.

Глава 6. Правила джарта Дитамара

– Но, джарт...

Ярг щёлкнул тонко, с каким-то чуть слышным певучим присвистом, и прошёлся по спине Фингара самым кончиком, но от этого едва заметного прикосновения тот взвился, как ужаленный.

– Учитель из меня так себе. Нянька ещё хуже, – произнёс неторопливо Дитамар, убирая грозное оружие, – учу я с помощью простого правила: кнут и пряник. Но, как видишь, в наличии только кнут, пряники получишь у Оорда, если, конечно, вернёшься к нему живым. И если хочешь вернуться живым, ты должен запоминать мои наставления с первого раза. Так как я велел меня называть?

– Милордом Брегатом. И на «вы», – сдавленно пробормотал Фингар.

– Запомни: каждый раз, когда ты будешь называть меня джартом по эту сторону гор, я буду бить тебя яргом. С каждым ударом силу буду удваивать, чтобы урок усваивался лучше. Ты понял?

– Но дж... милорд! Это же жестоко! – Фингар посмотрел на Дитамара затравленно и, извернувшись, поскрёб пятернёй место удара.

– Х-м-м... Жестоко будет на пятый раз, и то, если я буду удваивать силу. А так считай, что сейчас я просто сшиб комара с твоей спины. Оорд сказал, что ты умный малый. Ну так докажи, что он не ошибся – запомни три простых правила джарта Дитамара. Если будешь их выполнять – я не буду тебя бить.

– Какие правила? – с готовностью спросил Фингар.

– А ты умнеешь на глазах, – хмыкнул Дитамар. – Ну ладно. Первое правило – здесь мы не айяарры. Мы кахولة. Вернее, люди. Мы должны выглядеть как люди, говорить как люди, пить вино как люди и даже храпеть как люди. И поэтому ты должен разом забыть наши имена, привычки, язык, ну и... все остальные различия.

– М-м-м, что, все-все?

– Без исключения. Иначе нас поймают быстрее, чем беркут ловит зайца.

– А если я не знаю всех различий?

– А это уже твоя забота. Наблюдай. У тебя есть два глаза, два уха и нос. Этого более чем достаточно. Делай выводы. Слушай, а не болтай. Ну и если оплошал – всегда есть простой способ всё исправить.

– Какой?

– Прикинешься дураком. Ты же вроде сообразительный малый? Думаю, справишься.

Они ехали по пустынной дороге к виднеющемуся вдаль перевалу Кахиа, и Дитамар наставлял своего нового ученика. Он думал, что младший отпрыск Оорда окажется похожим на своих старших братьев, сражающихся сейчас за перевал Олений Рог, но, как ни странно, Боги не дали ему ни отваги, ни смелости. Зато наделили даром Заклинателя именно этого странного юношу, больше похожего на огромного телёнка. А вот старшие сыновья Оорда оказались всего лишь отличными бойцами.

– А если я ошибусь? – вкрадчиво спросил Фингар.

– Получишь кнутом за каждую ошибку. Ну и я удвою силу, если ошибёшься дважды подряд.

– Но джж... милорд!

– Вот видишь, ты уже и выучил первое правило, – усмехнулся Дитамар. – Этот кнут хорошо стимулирует сообразительность. Запомни: если ты не будешь сообразительным, ты очень скоро будешь мёртвым. А если ты окажешься мёртвым, то и мне не поздоровится, ты понял? И перед твоим отцом неудобно получится, всё-таки ты под моей опекой. Мы едем в

опасное место, и любая твоя оплошность может стоить жизни нам обоим. И если за время путешествия в Рокну я ударю тебя больше тридцати раз, то ты поедешь обратно с ободранной спиной и объяснишь Оорду, что ты абсолютно бесполезное бревно с ногами. И быть тебе не Заклинателем, а козопасом. Ты понял?

– М-м-м, да, милорд! – с готовностью ответил Фингар, придерживая коня, чтобы ехать вровень со своим учителем.

– Молодец, первое правило ты усвоил.

– Какое будет второе?

– Ты не путаешься у меня под ногами.

– М-м-м, а поточнее?

– Ты не путаешься у меня под ногами, и я тебя не бью – куда уж точнее! – снова усмехнулся Дитамар. – Я же сказал, что кнут стимулирует сообразительность, так что, я думаю, ты быстро разберешься, что к чему.

– М-м-м, понял, милорд, – вздохнул Фингар.

– Правило третье: ты не суёшь нос не в своё дело.

– Какое дело считать не своим, милорд?

– А ты дерзкий малый, как я погляжу, – хмыкнул Дитамар. – Дерзость – это хорошо. Это весело. Люблю обучать дерзких. А по сути вопроса... смотри первые два правила. Ну и в качестве подсказки: твои дела – лошади, овёс, съедобная еда, приличная выпивка, сухие сапоги, чистая одежда, постель без клопов... продолжать?

– М-м-м, я понял, милорд.

– Правило четвёртое.

– Но вы же сказали, что правила три?

– А вот теперь четыре, – Дитамар положил руку на рукоять ярга. – Так вот, правило четвёртое: ты больше не мычишь в моём присутствии. Какой лесной дух научил тебя мычать перед каждым «Да, милорд»?!

– М-м... э-э-э... э-того больше не повторится, милорд.

Дитамар покосился на Фингара. Его веснушчатое лицо было красным то ли от страха, то ли от боли, то ли от всего вместе. И голубые глаза блестели, может быть, даже от слёз. Светлые кудри спутались, и он вцепился в поводья так, что, кажется, мог бы ненароком оторвать лошади голову. Дитамар отвернулся, посмотрел вдаль и подумал, что Оорд будет ему должен и поплатится за то, что превратил его в няньку. По возвращении стоит всё ему припомнить.

– Скажи, а за каким гнусом ты вообще за мной увязался? Разве ты не слышал, как кухарки называют меня Безумным? – спросил Дитамар, придерживая лошадь и вглядываясь в долину. – Только не ври мне, а то выпорю, невзирая на правила.

Там внизу, за перелеском, где отроги гор, покрытые рыжиной дубового леса, перетекали плавно в холмы, он отчётливо различил шум реки.

– Я хотел учиться у лучшего бойца, – шмыгнув носом Фингар. – Я слышал, конечно, как вас называют, милорд. Я знаю, что вы очень жестокий и бесстрашный. Вы не знаете жалости... Отец всё время приводит вас в пример и говорит, что мне надо этому у вас поучиться.

Дитамар покосился на него и намотал повод на кулак. Да уж! Сын Оорда весь пошёл в мать. И ростом, и телосложением, и даже веснушками на лице. Огромный детина с копной светлых волос, голубыми глазами и лицом ребёнка. Он с виду хоть и большой, но любой дурак понимает, что он совершенно не опасен. Такому занятие – только мешки таскать на мельницу, или в помощники к кузнецу... Боевой танцор из него никогда не получится. А уж Заклинатель!

– Ты считаешь меня лучшим бойцом? – Дитамар прищурился, разглядывая постоялый двор у моста.

– Конечно, джа... милорд Брегат! Кто, как не вы, лучший боец в... ну у нас на родине.

– Хм. Лесть – это хорошо, – усмехнулся Дитамар, снова покосившись на своего ученика. – Да только не держи меня за дурака, думаешь, я не знаю, что этой мой братец с Оордом приставили тебя за мной «присматривать»?

– Так... вы знали? – удивился Фингар.

– Нет. Не знал, – ответил Дитамар, не глядя. – Догадывался. Думал, тебя пытать придётся, но ты и сам мне всё выболтал. Так что теперь вот знаю. Они все боятся, как бы я не натворил безумств... Будто твоё присутствие может как-то на это повлиять...

– Отец меня убьёт, – обречённо вздохнул Фингар.

– Будешь соблюдать мои простые правила – и я ничего не скажу твоему отцу. Ладно, впереди постоялый двор, там мы немного задержимся. А теперь слушай нашу легенду... И, главное, помни: ты не нарушаешь правил – я тебя не бью. И если я ударю тебя больше тридцати раз, ты едешь домой. Скажи, что ты понял.

– Я понял, милорд.

Первый день пути Фингар раздражал его ужасно. Он трясся, как осиновый лист, боясь получить кнутом, от этого всё время заикался, всё путал и ронял, и очень напоминал Дитамару телёнка в загоне, которого кусают оводы. И когда на постоялом дворе он наступил на хвост кошке и опрокинул кружку с элем на голову одного из постояльцев, Дитамар вытащил его во двор и припёр к столбу коновязи.

– Постарайся выглядеть меньшим идиотом, чем ты есть на самом деле. Не нужно привлекать к нам лишнего внимания. Или прямо отсюда отправись обратно к отцу. Ты хочешь этого? – прошипел Дитамар ему на ухо.

– Н-нет, милорд, – пробормотал Фингар, едва дыша.

– Хорошо. Ладно. Пёс с тобой. Сегодня, что бы ты ни сделал, я тебя больше не ударю. Правило действует до полуночи. Постарайся меня не разочаровать.

– Да, милорд, – мотнул головой его ученик.

– Иди.

Он уснул Фингара, а сам направился к реке. Вышел на деревянный мост и облокотился на перила, глядя на воду. Стоял долго, пока не спустилась ночь. Похолодало. Где-то в тёмной дали тоскливо завывали волки, и огромная жёлтая луна, уже почти полная, взошла над кромкой гор.

Дитамар смотрел на неё, слушал монотонный шум реки и чувствовал себя странно.

Это было первое полнолуние за все эти годы, которое не вызывало в нём невыносимой жажды крови. Которое не рвало его жилы, не выматывало душу тоской и болью, желанием разорвать кожу на груди, давая возможность Зверю вырваться наружу. Это было первое полнолуние, которое он видел ясно, а не через кровавую пелену тумана. И ему не нужно было бежать в лес, прятаться или приковывать себя цепью в подвале, чтобы в итоге все равно провалиться в кровавое безумие. Проснуться утром с болью в голове, содранной кожей и ломотой в костях и... не помнить ничего.

Каждое полнолуние он умирал, а потом рождался заново. И сегодня это было так странно... впервые за многие годы остаться живым в эту ночь.

– М-милорд? – негромко раздалось сзади. – Ужинать будете?

Дитамар вздохнул.

– Люблю мосты... Люблю смотреть на воду. Вода меня успокаивает, – произнёс он, слыша, как его ученик топчется сзади и больше не решается его окликнуть, но и не уходит. – Иногда мне кажется, что она уносит все мои мысли и очищает душу. Жаль только, что здесь нет приличных мостов.

– Мост есть выше по ущелью. Каменный Великан, – ответил Фингар негромко. – Его построил ещё великий Заклинатель Олегер. Очень красивый мост.

Дитамар посмотрел через плечо на тёмную фигуру своего ученика и спросил с удивлением:

- Ты видел этот мост?
- Нет, что вы! Я не бывал по эту сторону хребтов. Я читал в книгах. А там и гравюра была.
- Хм-м, ты любишь читать?
- Люблю...
- Ладно, идём, – Дитамар оттолкнулся от перил и быстрым шагом направился к дому.

* * *

К вечеру следующего дня они оказались на другой стороне хребта Кахиа, проехали долину и снова поднялись в горы. Дитамар не чувствовал погони, но вечером у постоянного двора за Хаабхэйном им встретился отряд ирдионских рыцарей. Их заметил Фингар и причался, как ужаленный, доложить.

– М-милорд... – Дитамар брезгливо отстранился от его попытки прошептать на ухо важную новость и тут же огрел нерадивого ученика свёрнутым яргом. – За что, милорд?! – прошипел Фингар, хватаясь за плечо. – Я же хотел...

– Да вижу я, чего ты хотел. Иди внутрь, – Дитамар затолкал его в дом и произнёс достаточно громко, чтобы слышали остальные посетители, – сошлю тебя в козопасы, бестолочь. Может, тогда обучишься расторопности. Живо принеси мне эля!

Фингар бросился со всех ног за элем, едва не расплескал половину, и когда застыл с кружкой у стола, как истукан, Дитамар показал ему на место напротив себя и произнёс спокойно:

– Сядь.

А сам неторопливо придвинул к себе кружку с элем и добавил уже тихо, так чтобы точно никто не услышал:

– Ты забыл правило номер три. Овёс, лошади, еда... в этом списке было что-то про рыцарей? Ну, отвечай!

– Нет, милорд.

– Правильно. Потому что это – не твоё дело. А не в свои дела ты нос не суёшь.

– Но они же могут заметить...

– Будь я рыцарем, уж я бы точно обратил внимание на тебя – здоровенного приметного дурня, который бежит, как ужаленный, и лезет шептать что-то на ухо своему хозяину. И у которого на лбу написано, что у него в сапоге припрятано три амулета. Мне снова тебя ударить, чтобы ты понял?

– Нет, милорд, я понял. Я бестолочь. Но... можно спросить? – Фингар потёр красный лоб, и видно было, что он раздосадован собственным промахом.

– Спроси.

– А вы меня не ударите?

– Нет, раз уж ты спросил, – ответил Дитамар, снисходительно покачав головой.

– Кто вас этому научил?

– Чему? – удивился Дитамар.

– Ну вот... всё время причинять другим боль... Вам это нравится?

Дитамар едва не подавился элем. Это был странный вопрос от такого ребёнка, как Фингар. Раньше он бы и не понял его сути. Раньше его бы об этом никто и не спросил. «Безумный Дитамар» – так нередко его называли в Лааре, и безумие было вполне обыденным его состоянием. Но с тех пор, как Кайя разорвала его связь со Зверем, он ощущал себя совсем другим человеком, таким, каким был очень много лет назад, только каким-то пустым внутри. Словно покинув его разум и душу, Зверь оставил за собой только пустоту. И Дитамар не знал, чем её заполнить.

– У тебя внезапно случился приступ храбрости? – спросил он, прищурившись.

– Н-нет, я просто...

– Ладно, не бойся, – он пожал плечами и отхлебнул из кружки. – Не думаю, что мне это нравится. Это просто такая необходимость... в нашем с тобой случае уж точно. Я не могу вложить в твою голову весь свой опыт, а времени на то, чтобы заниматься твоим воспитанием, у нас попросту нет. А значит, нужно научить тебя беспрекословно понимать и выполнять мои приказы. Это позволит нам выжить и совершить задуманное. Ты должен быть управляем, а с помощью боли человеком очень легко управлять. И вот этому меня научил Зверь... если уж ты хочешь это знать...

– Это было... очень больно? – тихо спросил Фингар. – Превращаться в Зверя?

– Любопытство – это опасная слабость...

Дитамар посмотрел на него и криво усмехнулся. В Лааре об этом у него почти никто не спрашивал. Боялись. Ведь он мог ненароком поделиться своей болью, а кто захочет это чувствовать? Разве что Эйвер да Оорд, которые и делили это с ним. И поэтому он никому не рассказывал подробностей.

Но мальчишка Фингар незащищен и любопытен, и его вопрос застал Дитамара врасплох. Ему вдруг впервые захотелось ответить, рассказать хоть что-то, словно этот разговор мог заполнить пустоту в его душе.

– Представь, что Зверь – это ярг, а я – это ты, – ответил Дитамар задумчиво. – Вот я тебя ударил. А теперь умножь эту боль на сто... двести... да на любое число, какое придёт в твою голову. И не только боль, но и время, которое она будет длиться, если ты сопротивляешься ему. Потом ты в итоге ломаешься и делаешь всё, что он хочет, только бы больше её не испытывать. Ты удовлетворяешь его жажду, и он уходит... на некоторое время. Так что боль – это самый эффективный учитель, – Дитамар отодвинул кружку и добавил резко: – А теперь почисти мои сапоги, купи овса, еды, кедрового масла и иди спать, и чтобы до утра я тебя не видел. Завтра к вечеру мы должны проехать Милгид и пересечь Суру. Береги силы, тебе придётся сосредоточиться на моём лице. От Лисса начинается большой тракт, и мы из горцев должны превратиться в зафаринских ювелиров. Так что эту личину мне придётся сменить на что-то другое, более подходящее.

– А почему вы взяли именно это лицо? – спросил Фингар напоследок.

– Чтобы не выделяться в Предгорье. Все местные похожи один на другого, а этот – самый похожий на них всех. И к тому же он мёртв. А мёртвые лица носить легче всего.

– А если его кто-то узнает?

– Это вряд ли, – сухо ответил Дитамар, встал и вышел на улицу.

Глава 7. Туман

– Вот, держи, это письмо для леди Карвен в Лиссе. Она даст вам карету. Ну а уж до Лисса придётся добираться верхом. Ничего, женщину гор не должны смущать такие мелочи, – леди Милгид протянула дочери письмо.

– Меня это и не смущает, – ответила Лея, забирая свиток и натягивая перчатки.

Этим утром они с матерью повздорили. Из-за камня, из-за поездки, из-за будущего. Матери снова приснился сон, но она не стала рассказывать, что именно видела, а Лея в отместку не стала рассказывать свой. Если леди Милгид говорила «нет» – это было как приговор. Спорить и умолять бесполезно. Вот только сегодня она вдруг переменялась и снова стала твердить о том, что, может, Лее не торопиться в Рокну, а пожить немного у Фины в Лиссе, походить по гостям и... поискать себе мужа. Было бы хорошо, если бы сёстры жили в одном городе.

– У тебя хоть и не так много приданого, но ты очень красивая, – увещевала она Лею. – Красивее меня в твои годы. Поживёшь у Фины, сошьём тебе несколько новых платьев, по зиме будут балы...

И эта странная перемена в её настроении поставила Лею в тупик. Но на прямой вопрос дочери, в чём же всё-таки дело, леди Милгид не ответила. А Лея не стала слушать её советов. Ещё вчера мать хотела отправить её в Рокну, сегодня в Лисс, а что будет завтра?

Лея надеялась, что после прошлого их разговора в подвале между ними наконец-то наступило время доверия и откровенности, но она ошиблась. Леди Милгид вела себя так, будто сожалела о том своём порыве. Она снова стала холодной, строгой и справедливой, и, кажется, по отношению к Лее – вдвойне.

Попутру приехал один слуг и рассказал, что по дороге на Лисс подмыло опору моста, и починят её не раньше, чем через три дня, поэтому пока что карета там не проедет. А вот верхами можно. И Лея решила переложить вещи во вьючные сумки, взять ещё лошадь и не задерживаться с отъездом.

Задерживаться и не стали. Но перед этим, втайне от матери, она сходила к тайнику на берегу ручья и забрала кулон. Наверное, это был плохой поступок. Но Лея посчитала его правильным. По дороге она выбросит кулон в одну из горных рек, и тогда можно будет спать спокойно и не думать о том, что однажды в их дом придёт ирдионский огонь. Лея завернула кулон в кусок бархата и спрятала в сумочку, притороченную к поясу. Конечно, леди Милгид разозлится на неё за это, но со временем поймёт, что для всех так лучше. И раз это кулон её отца, раз отец считал, что он поможет её защитить, ну вот так он её и защитит лучше всего тем, что будет находиться как можно дальше от дома. В шкатулке она оставила матери записку, в которой попыталась объяснить свой поступок, и надеялась, что леди Милгид её простит.

Потом, когда уже отъехали от замка на некоторое расстояние, Лея вдруг начала сомневаться в том, правильно ли она сделала. Но возвращаться было бы очень плохой приметой, а в черед последних дней, когда повсюду были сплошь плохие знаки, она решила судьбу не искушать. Что сделано, то сделано, и когда они будут переезжать Суру, она просто выбросит кулон в воду. Недаром же говорят в Предгорьях: «Забрала, как Сура». Своенравная речка никогда не отдаёт своих трофеев, вот бы и кулон этот сгинул в ней раз и навсегда. А вместе с ним эти сны, Зверь и башня со змеем на вершине.

– Эм-манафаар! – пробормотала Рут на зафаринском и подъехала ближе к Лее. – Миледи? Чуете? Тепло идёт!

Она потянула воздух носом, махнула в сторону горизонта, и Лея ощутила лёгкий ветерок с востока. На смену лаарскому холоду в Предгорья возвращалось тепло из долин.

– Это же хорошо, – ответила она, глядя на озабоченное лицо зафаринки.

– Может, и хорошо, да только нам тогда сегодня Суру не переехать, если станет туман. А при таком тепле он непременно станет. Так что надо поторопиться, чтобы до вечера успеть на ту сторону. Туман на закате пойдёт. Фаар-ханун!

– Рут, ну хватит, что ли! Ты тоже веришь в то, что этот туман забирает людей? – усмехнулась Лея. – Это просто туман. На самом деле это просто вода, которая испарилась. В нём не бродят души умерших.

При всём своём бесстрашии Рут боялась призраков и была до смешного суеверной. Зафаринская клятвенная дева – женщина, избравшая путь мужчины и воина – она никогда не носила женского платья, курила трубку, умела драться не хуже любого пса и мастерски владела шемширом. И даже женщиной-то по законам зафар она не считалась. Она охраняла Лею, как до этого леди Милгид и барона, и горе тому, кто попытался бы с ней сразиться. Но вот чёрных кошек, призрачного тумана Суры или пустых вёдер, с которыми переходят дорогу женщины, она боялась по-настоящему.

Коннор, пожилой слуга Леи, только покачал головой. Ему тоже не очень понравилась идея скакать галопом до реки, чтобы пересечь её до последней четверти перед закатом.

– Я там сто раз в туман ездил и ничегошеньки не видел, – пробормотал он, глядя на долину в дымке, разбросанные тут и там стога и голые ветви ясеней вдоль дороги. – Да не так уж и тепло.

– Эм-манфаар! Твои старые кости просто не чувят ничего! И нос! А вот нос у Рут – что у кошки, и говорю я тебе, что тепло идёт, а значит в эту ночь ляжет туман. Может, ты в тумане ничего и не видел, потому что пьян был? – она поцокала языком. – А пьяным всё одно – море по колено. Или, может, пьяных духи не трогают.

– Ну так и ты выпей, – прищурился с усмешкой старый слуга. – А леди Каталя тоже не боится духов.

– Зафары не пьют от страха, – ответила Рут, поглаживая пояс.

– Ещё скажи, что они ничего не боятся...

– Хватит вам уже! – оборвала Лея обычную перепалку своих слуг. – И в самом деле, Рут, это просто туман! Если хочешь, поедem быстро, а успеем или нет – ну как получится. Может, и успеем.

Не успели.

Чем ниже спускались они в долину, тем теплее становилось. Небо из ярко-синего стало блекло-голубым, и Рут снова забормотала что-то на родном языке. И действительно, она оказалась права: когда подъехали к мосту через Суру, всё уже затянуло густой пеленой. Туман выполз из ущелья длинным белёсым языком и потянулся вниз в долину, растекаясь молоком по прибрежным ивам и стогам сена. И глядя на то, как тают очертания противоположного берега, Рут снова выругалась на зафаринском.

– Фаар-ханун! Так я и думала, что придётся тут заночевать!

Лея взглянула на постоялый двор у дороги. Несколько телег, карета, у коновязи с дюжину лошадей. Из приоткрытого окна доносились пьяные мужские голоса.

– Вряд ли тут будет место, – она посмотрела на небо. – Рут, ещё светло, и туман не такой уж и густой, поехали! А если так уж боишься, то первым поедет Коннор, потом ты, а я позади.

– Миледи, я сейчас схожу и всё разужнаю, куда торопиться? Найдём вам место, а я могу и на сеновале поспать, да и Коннор тоже...

– А как же мои старые кости?

Зафаринка стрельнула в него угольно-чёрным взглядом и снова принялась уговаривать свою хозяйку, но та оказалась непреклонна.

Лея смотрела на густую белую шапку, висевшую над мостом, и думала, что туман – это даже лучше: никто не увидит, что она выбросила кулон. Всю дорогу она молилась, чтобы им не встретился никто из рыцарей, и уж точно она не собиралась ночевать на постоялом дворе,

пока не избавится от этой опасной вещи. Единственное, что её смущало – это недавний сон. Там тоже были мост и туман. И успокаивало только то, что в том сне мост был айяаррский, каменный, в три арки, а здесь всего в одну и сделан каменщиками из Броха.

Рут долго бормотала какие-то свои зафаринские молитвы, на что Коннор покачал головой и вручил ей поводья лошади с поклажей со словами:

– А это чтобы руки были заняты и не тряслись от страха.

На что зафаринка фыркнула, положила другую руку на рукоять шемшира и, выпрямив спину, с застывшим лицом направила свою лошадь к мосту. Лея ехала последней, и когда оказалась в тумане, чуть попрдержала лошадь, чтобы отстать от своих спутников.

Наверное, она остановилась в самой середине моста. Напоследок ей захотелось взглянуть на эту красивую вещь. Приблизилась к перилам, растегнула сумочку на поясе и достала кулон. Всю дорогу она боролась с желанием забрать его с собой в Рокну, изучить и понять, что за камень внутри этого серебряного веретена. Но страх был сильнее, и она развернула бархат.

Камень в кулоне ожил, засиял нежно-голубым светом, и на нём тонкой чертой явственно проступил вертикальный зрачок. Вокруг стало тихо. Так тихо, словно вокруг был и не туман вовсе, а белый гусиный пух, который совсем не пропускает звуки. Лея протянула руку вперед – кончики пальцев исчезли в густом молоке. И тут она поняла, что совершенно не слышит шума реки. В этом месте Сура обычно ревела и рвалась между утесов в долину, как обезумевший зверь, и ее пенные языки временами подлетали до самых перил. Но сейчас было тихо. Слишком тихо, как будто кто-то усмирил грозного зверя и остановил течение.

Лошадь под ней вдруг начала дрожать, прядать ушами и дергать удила, и в какое-то мгновение показалось, что она сейчас её сбросит и ринется куда-то в мутную глубину. Лея огляделась – моста под ногами уже не было видно, нельзя было понять, куда ехать, даже голова лошади стала не видна в этой мгле.

– Не бойся, все хорошо, Лаванда, – она чуть отпустила поводья и погладила лошадь по шее, – не бойся, всё хорошо...

Она шептала эти слова, зная, что её голос успокоит животное, которое готово было броситься наугад, не разбирая дороги, а может быть, так она успокаивала сама себя, потому что ей вдруг стало по-настоящему страшно. Вспомнился сон и слова Рут об умерших и призраках, что бродят в этом тумане и сбрасывают в реку тех, кто стоит на мосту...

Лее ощутила наползающее удушье. Туман стал плотным, вязким и как будто живым. Казалось, им невозможно даже дышать, он был похож на пар, которым лечат больных красной лихорадкой, накрывая плотным пологом над бадьей и бросая горячие камни в настой из меда, трав и горного бальзама. Лея чувствовала, как тело покрывается холодным потом, и рука непроизвольно стиснула кулон. Но он сиял всё ярче, и это сияние просачивалось сквозь пальцы, растекаясь в тумане и делая его светлее. А она в каком-то оцепенении смотрела на него не в силах ничего сделать. Ей нужно было просто наклониться к перилам и разжать ладонь, а она не могла даже пошевелиться.

Это странное наваждение разорвал цокот копыт, раздавшийся по мосту, и Лея подумала, что это Коннор вернулся за ней. Но вместо того, чтобы выбросить кулон в воду, она медленно, словно во сне, надела его на шею и спрятала под одеждой.

– Коннор? Это ты? – спросила дрожащим голосом.

Но это был не её старый слуга.

– Кто здесь? Поберегись, а не то зашибу! – раздался зычный мужской голос.

– Осторожнее, милорд! Куда же мы несёмся! Можно и шею свернуть! – послышался следом другой голос.

Из тумана внезапно вынырнула лошадиная голова, а за ней и всадник целиком. Он приблизился так неожиданно, что Лея, увидев его лицо, непроизвольно дёрнула поводья, чувствуя, как сердце сжимается от накотившего ужаса.

– Ройгард?! – воскликнула она сорвавшимся голосом.

Туман разом распался на сгустки. И они начали стремительно разлетаться в стороны, как гонимые ветром утиные перья, и плавным рокотом стал нарастать шум реки.

– Миледи! Осторожнее! – воскликнул мужчина на лошади, пытаясь удержать её от столкновения.

Но было уже поздно. Лея так резко дёрнула поводья, что лошадь попятилась к перилам, взвилась на дыбы и, сбросив свою всадницу прямо в бурлящий поток Суры, с диким ржанием помчалась прочь.

Последнее, что Лея запомнила, прежде чем вода ледяными иглами вонзилась ей в кожу, это удивлённо-испуганное лицо всадника. Лицо, которого она никак не смогла бы увидеть, будучи живой. Лицо Ройгарда Лардо.

А ещё подумалось, что Рут была права насчёт призраков.

Глава 8. Девушка в реке

К Суре добрались вечером. Фингар уже явно валился с лошади и всем своим видом намекал, что неплохо бы заехать на постоянный двор справа от дороги, но Дитамар был неумолим. Пока светло, нужно перебраться на ту сторону реки и заночевать уже в долине. А то и добраться до Лисса. Каждая задержка в пути его раздражала. Окажись он в Рокне, может, он уже бы придумал, как добраться до королевы. Его гнала жажда мести, и к цели приближал каждый сделанный шаг. Поэтому он, не задумываясь, направил лошадь в туман, и Фингар понуро поплёлся за ним.

Перед въездом на мост их едва не сшиб всадник, который развернулся, передумав ехать на другую сторону. Он лишь ругнулся коротко и бросил им на ходу:

– Не совался бы я туда, милорды. Что-то уж больно густой туман ни с того ни с сего...

Но Дитамар только прищипорил лошадь и услышал, как Фингар что-то бормочет про то, что они свернут себе шею.

А ведь и правда свернут...

Туман окутал их густым облаком, Дитамар оглянулся и понял, что не видит абсолютно ничего, даже своего ученика, который следовал прямо за ним. Не только не видит... Как ни странно, он не слышал даже шума воды, не ощущал запахов – туман опутал его плотной ватой, заглушая все звуки. Дитамар совершенно явственно ощутил, что это не просто туман, ползущий по реке, он сгустился вокруг чего-то очень сильного, чего-то, что было на этом мосту.

Его конь сделал несколько неуверенных шагов, и Дитамар наподдал ему пятками.

– Ну же, давай, иди, – пробормотал, глядя в серое облако перед собой.

Конь начал прядать ушами и подрагивать шкурой, сильнее замедляя шаг, и в этот момент Дитамар увидел, что впереди стало светлеть. Появилось голубоватое сияние, и, как будто повинаясь какому-то странному притяжению, он направил лошадь именно туда, ощущая кожей холодную силу, идущую от этого сияния.

– Коннор? Это ты? – раздался из тумана высокий женский голос.

– Кто здесь? Поберегись, а не то зашибу! – крикнул Дитамар, предупреждая, и услышал, как сзади снова причитает Фингар.

Но что там восклицал его ученик, Дитамар так и не понял. Он внезапно вынырнул из тумана в круг голубого света, едва не налетев на всадницу, стоящую на мосту. Нежное сияние окутывало её, словно кокон. Оно мерцало, разгоняя туман, окрашивая его в нереальные переливающиеся цвета. Над девушкой раскинулась радуга из всех оттенков сине-голубого. Её тёмные волосы струились по плечам, и казалось, голубые струи воды стекают по ним вниз на плащ, на круп лошади и оттуда по мосту куда-то в тёмную стремнину Суры. И такого завораживающего зрелища Дитамару видеть прежде не приходилось. Но длилось оно всего лишь какое-то мгновенье. Глаза прекрасной всадницы расширились от ужаса, и она воскликнула сорвавшимся голосом:

– Ройгарт?!

И он понял, что она узнала его фальшивую личину.

Когда она летела с моста, Дитамару показалось, что река внизу взбесилась, как дурная лошадь – так неожиданно вернулся рёв воды, бившейся о камни, туман разлетелся клочками, закружился, словно метель, и через мгновенье его уже не было. Голубой свет исчез, и яркое закатное солнце выхватило мутную реку, круто уходящую влево, отвесную каменную стену и мост. Дитамар буквально скатился с лошади, бросился к перилам, жадно следя взглядом за тем, как в этих яростных водах мелькнула светлая подкладка плаща девушки и исчезла, а потом появилась снова ниже по течению. Он увидел, что плащ зацепился за корягу у самого поворота реки, который лизали яростные пенные языки воды.

И в этот момент Дитамар впервые пожалел, что в нём больше нет силы Зверя, нет его безумия... или... может быть, всё ещё есть? Ему понадобилось мгновенье, чтобы сорвать плащ и куртку, оказаться на перилах и прыгнуть в реку. Это произошло само собой, кажется, он вообще ничего не успел подумать, потому что ледяная вода обожгла, вошла в мышцы тысячами игл, ударила, оглушила и, закрутив в водоворот, понесла его прямо на камни.

Сзади раздался истошный вопль Фингара и ещё крики каких-то людей, но они погасли в сознании в тот момент, когда стремительный поток накрыл его с головой. Дитамар вынырнул на поверхность, лоя ртом воздух, потому что лёгкие сжались от ледяной воды. Его ударило о камни, а потом снова и снова, и понесло к тому самому месту, где торчало из воды принесённое бурным потоком дерево. Именно за него и зацепился край плаща волшебной девушки в голубом сиянии. Вода швырнула Дитамара прямо на эту корягу, опять выбивая воздух из лёгких, и, кажется, он распорол руку об острый край, но всё-таки успел зацепиться, понимая, что времени на спасение незнакомки у него почти нет.

Мокрые завязки плаща затянулись на её шее петлёй, и ткань намоталась на корягу. Вода трепала тело девушки из стороны в сторону, и, если она до сих пор ещё не захлебнулась – это будет просто чудом. От холода тело сводило судорогой, но он всё равно ухватился за корягу крепко, зацепился ногами и, перехватив девушку за талию, вытянул наполовину из воды. Закочневшие пальцы нащупали рукоять кинжала, и он одним движением перерезал завязки плаща.

Дитамар увидел, что впереди река резко уходит влево, и у подмытого берега образовалась небольшая песчаная заводь, и у него есть всего один шанс из ста добраться до неё с полумёртвой девушкой на руках. Ему нужны были силы...

– Фингар, чтоб тебя! – прорычал он, зажимая кинжал в зубах, и оттолкнулся от коряги, крепко удерживая свою добычу.

Его потащило на стремнину, но в этот момент он, наконец, смог сбросить фальшивое лицо и оттолкнулся от камня, ощущая, как ноги наливаются силой: видимо, Фингар, наконец, вспомнил, что он всё-таки Заклинатель, а не пень на мосту.

Дитамара ещё раз ударило о камни плечом, но в этот раз было уже легче, он снова оттолкнулся ногами от гранитной скалы и догрёб по заводи до песка, усыпанного обломками деревьев и листьями.

Всё это промелькнуло стремительно, как во сне, и, выбравшись на песок, Дитамар перебросил девушку через колено, буквально вытряхивая из неё воду, потом перевернул на спину. Она не дышала, и он, не раздумывая рванул лиф её блузки, застёгнутой на ряд мелких жемчужных пуговиц. Положил ладони на грудь и надавил, пытаясь заставить биться остановившееся сердце. А потом наклонился к её губам...

Губы были холодными. А на шее отчётливо виднелись следы от завязок плаща, ставших для девушки смертельной удавкой. Он вдыхал в неё воздух и снова нажимал на грудь, но всё было бесполезно. Где-то отдалённо мелькнула мысль, что он никогда и никого не возвращал к жизни и даже не думал о том, насколько это сложнее, чем убивать. Он повторял одни и те же движения несколько раз, но сердце биться не хотело. Сура не собиралась возвращать свой трофей.

– Проклятье! – он в отчаянии ударил кулаком по камню, разбивая костяшки в кровь, и камень внезапно откликнулся.

Вода заберёт её. Разорви связь...

Связь? Какую связь?

И в этот момент Дитамар увидел снова голубое свечение там, где ещё недавно удавкой висели завязки плаща. Он провёл ладонью по шее девушки, по этому голубому сиянию и нащупал тонкую цепочку. Потянул, рванул её на себя, сгребая в кулак, и в его руке оказался серебряный кулон, похожий на острое веретено, которое тут же впилося ему в ладонь острым концом, пройдя едва ли не насквозь.

– Да чтоб тебя! – Дитамар стряхнул его на песок, видя, как внутри него сияет голубым светом какой-то камень.

Но едва только кулон коснулся песка, сияние тут же угасло. Зато девушка пришла в себя: хрипло вдохнула и закашлялась. Дитамар подхватил её за плечи, приподнял и усадил спиной к камню. Она ничего не понимала, кашляла и хватала ртом воздух, загибая пальцами песок, но она была жива.

Дитамар сжал в кулак окровавленную руку и обессиленно прислонился рядом с ней к камню.

Он идиот! Он мог сто раз погибнуть! Он не должен был прыгать. Ему просто повезло. И ей повезло. Им очень, очень повезло, что они оба остались живы.

Но это он был виноват в том, что девушка испугалась и упала с моста. А всё потому, что он нацепил личину Ройгарда Лардо.

Проклятье!

Ему хотелось обругать себя последними словами. Он ведь давно забыл, что такое чувство вины, а вот теперь он испытал его впервые за многие годы.

И это было паршиво.

Дитамар посмотрел на ладонь, туда, где воткнулось веретено, и подумал, что и это тоже очень паршиво. Если он что и понимает в камнях – а он знает о них абсолютно всё, то этот укол веретеном может стоить ему жизни, потому что камень в нём очень непростой. И что делала эта ведьма с ним на мосту – неясно.

А выяснить нужно.

Поэтому, пока девушка пыталась прийти в себя, он сгрёб украшение вместе с песком и сунул в карман на ремне. Он позже разберётся с тем, что это такое.

Ему снова захотелось обругать себя последними словами, когда девушка обернулась и, судорожно дыша, смотрела ему прямо в лицо.

В его настоящее лицо...

И менять личину на другую в этот момент стало уже поздно.

Проклятье!

– Кто вы? – произнесла она хрипло.

Её била дрожь, и она держалась рукой за горло там, где его едва не передавили завязки плаща.

– Я тот безумец, который прыгнул в реку, чтобы вас спасти, – Дитамар махнул рукой в сторону воды.

– Вы... вы... прыгнули? О, Святая Миеле! Спасибо... это какое-то безумие... Вы ранены? Силы небесные! Где мы? – она поднялась на ноги, держась рукой за край каменного выступа и всё ещё хрипло дыша.

– Вниз по течению. Нас не очень далеко отнесло. Кажется...

Дитамар тоже поднялся. Вдали виднелся мост, и на нём в вечерних сумерках маячили три неясные фигуры. Они размахивали руками и кричали, но слов нельзя было слышать из-за шума воды.

– Это мои слуги, – девушка обернулась. – Силы небесные! Кто это был? Вы... вы... вы видели кого-нибудь на мосту? – она снова закашлялась. – Всадник на лошади? Там был Ройгард. Ройгард Лардо – ирмелинский князь из Ястребиной Скалы... Боги... Этого не может быть, он ведь мёртв... Милорд, простите, но как вы оказались на мосту? Простите, я спрашиваю глупости...

Дитамар смотрел на неё внимательно и слушал, как она бормочет что-то бессвязное, хватаясь то за лоб, то за горло, и пытается осмыслить, кого же она в самом деле видела на мосту и что вообще произошло.

– Ваша лошадь чего-то испугалась. Но вообще, говорят, в тумане на Суре людям часто являются призраки умерших, – сдержанно ответил Дитамар, разглядывая девушку и успокаивая дыхание.

Сейчас он сильно жалел о том, что воспользовался личиной Ройгарда Лардо. Это было большой ошибкой. Очень большой. Но кто бы мог подумать?! Ирмелин ведь достаточно далеко. Проклятые кахале!

– Да... я слышала об этом. Рут... моя служанка... она предупреждала. Как же всё это ужасно... Я могла погибнуть... И вы могли...

Она посмотрела на него внимательно и вытерла руками щёки. Дитамар неопределённо пожал плечами, скользнул по незнакомке взглядом и перевёл его на вершину утёса. Не стоит ему так на неё пялиться, потому что...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.